

М а р и а н н а   К р а м м

Твоя Мари.
Воспитание
чувств

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марианна Крамм

Твоя Мари. Воспитание чувств

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48675924

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-08025-6

Аннотация

Когда обретаешь то, что искала, оказывается, что не всем это нравится. И обязательно найдется кто-то, кому взбредет в голову тебе помешать. Особенно если он всегда был рядом и ни на секунду не выпускал тебя из поля зрения, потому что ты — его навязчивая идея, его мания, его большая страсть. В оформлении использовано фото Espressolia с сайта pixabay. Содержит нецензурную брань.

Марианна Крамм

Твоя Мари.

Воспитание чувств

Автор не пропагандирует, не старается сделать БДСМ популярным, не предлагает пробовать на себе.

Я никогда не задумываюсь, как выгляжу со стороны. Не знаю, почему, но мне совершенно неинтересно, что думают обо мне окружающие. Хотя, если вдуматься, мой образ жизни способен слегка шокировать. Будучи уже не юной девой, а вполне зрелой дамой, я по-прежнему не задумываюсь о создании семьи – ну, есть люди, которым это не надо. А мне это еще и противопоказано по ряду причин. Не представляю, как можно совмещать семью и БДСМ, вот хоть убейте – даже в практическом смысле. Уложили спать ребенка – и айда махать девайсами? Дикость, как по мне. Нет, люди живут так, но это их выбор. Для меня же это совершенно неприемлемо – потому что я в это не верю. Я не люблю быть частью системы, у меня свой путь, своя жизнь. И, сколько бы там ни было мне отмерено, я проживу это так, как хочу. В обнимку с болью.

С приходом весны оживает тематическая жизнь на при-

роде, но еженедельные выезды «на шашлыки» начинают раздражать меня ровно в тот момент, когда я понимаю, что мне там просто скучно. Скучно до тошноты, до мути в глазах. Не знаю, почему Олег принимает эти приглашения. Хотя нет, знаю, пожалуй. Он одержим идеей, что мне нужно чаще бывать на воздухе, а не сидеть в душной квартире, потому эти приглашения от Дениса он расценивает как возможность вывезти меня за город, создав относительный комфорт.

Я человек, совершенно не приспособленный к жизни вне городских удобств, все эти дачи мне хуже ножа, но у Дениса дача как загородный дом, благоустроенная, теплая, с комфортом. Но даже это не повышает ее ценности в моих глазах.

Однако спорить с Верхним с некоторых пор я не рискую, а потому каждую субботу прямо с утра безропотно собираю вещи и сажусь в машину. Олег внезапно помимо мотоцикла вспылал еще и к квадроциклу, и теперь этот огромный агрегат в комплекте с лебедкой иногда сопровождает нас в поездках.

Специально для перевозки «квадрика» Олег купил джип с открытым кузовом, огромного «китайца» на механической коробке. В том, что справиться с этой баржей может только он сам, я убедила его опытным путем – однажды пришлось сесть за руль, и я не смогла проехать и километра – настолько приходилось напрягаться всем телом, чтобы держать эту машину на дороге. Но Олегу с его габаритами машина, конечно, подчиняется легко.

Дача Дениса находится в загородном поселке в пятидесяти километрах от города, рядом – огромное поле, озеро и лес, так что простор для гонок на квадроцикле имеется. Правда, потом приходится до ночи отмачивать костюм в бочке, но на подобные мелочи, конечно, никто внимания не обращает – у мужчин свои игрушки, я им не мешаю. Пока они гоняют, у меня есть время что-то почитать, сидя у камина в кресле. К вечеру, как правило, подтягивается еще кто-то из тусовки – Денис любит компании, у него всегда была эта стадная черта и любовь к публичному. Представляю, как ему сейчас тяжело – без нижней. Но он все никак не найдет для себя никого, кто соответствовал бы его требованиям. И вот сегодня он удивил меня до крайности, да что там – меня, когда даже Олег опешил. И вот его-то я прекрасно понимаю...

Словом, едва на улице потеплело настолько, чтобы можно было провести несколько часов у мангала, мы приехали на дачу, привезли полный кузов продуктов и выпивки – компания намечалась довольно большая, Олег начал разгружать все это, и вдруг на крыльцо выходит Лерка, управляющая магазином Олега. Я, признаться, рот открыла от удивления, а Олег, остановившись с ящиком пива, спросил:

– Тебя как сюда занесло?

– Денис пригласил. Надеюсь, вы не против? – беря из кузова второй ящик, отозвалась она. – Здравствуйте, Мари.

Я ничего не ответила, посмотрела на Олега, но тот уже взял себя в руки:

– Я здесь тоже в гостях, – но по его тону я поняла, что Денису он задаст пару вопросов.

– А я думала-думала, а потом решила – ну, почему бы и нет? – продолжала Лера. – Все же веселее, чем дома торчать, хоть и погода не очень.

«Да уж, что может быть веселее компании девиантов, собирающихся катать тут экшены!» – усмехнулась я про себя, но промолчала.

Никогда не понимала вот этого – когда в Тему тянут людей ванильных, как по мне – это против правил. Конечно, никто тут не накинется на Лерку и не свяжет ее насильно, но и демонстрировать то, что непривычному глазу может показаться довольно беспределным, тоже не стоит. И потом – Дэн мог бы обсудить это приглашение с Олегом хотя бы потому, что Лерка работает у него, а мой Верхний не склонен афишировать свою личную жизнь и ее особенности.

Когда хозяин дачи появляется сам, Олег только головой качает, а я все-таки не выдерживаю и, улучив момент, зло шиплю:

– Совсем спятил? Ты зачем ее притащил?

– Ревнуешь? – игриво спрашивает Дэн, подмигивая.

– Ты прекрасно понял, о чем я!

– А ты-то чего кипишь? Олег все равно не катает прилюдно, так какие проблемы? Он мой друг, мало ли.

– Твоя беда в том, что ты всегда считаешь всех дурнее себя, на том и прокаливаешься вечно. Лерка не дура, и два

к двум прибавит моментально. Ты не подумал, зачем Олегу такая слава?

– А что такого-то? Подумаешь! Каждый развлекается, как хочет.

– Да – в тесном кругу единомышленников! А ты тащишь сюда ванильную девку – зачем?

– Ванильную? Ну ага! Ты не видела, как Лерка «кошкой» машет, потому и считаешь ее ванильной. Кстати – попробуй, вдруг понравится?

Хочется врезать ему по лицу – ну, это желание у меня возникает довольно регулярно, поводы Дэн подкидывает с завидным постоянством, но я, к счастью, научилась быстро переключаться. Черт с ним, в конце концов, это его дело, его дача, и даже его отношения с Олегом. Я тут ни при чем.

Олег, однако, совершенно спокоен, что меня, в принципе, давно не удивляет. В него настолько, видимо, въелся самурайский кодекс и все эти догмы, свойственные «рыцарям страны Восходящего Солнца», что и ведет он себя соответственно этим принципам. Никаких внешних проявлений эмоций. Ну, собственно, если ему безразлично, то мне-то и подавно, могу расслабиться и дышать воздухом.

Лерка улучшает момент, когда я остаюсь во дворе одна, подходит с пачкой сигарет:

– Покурим?

– Давай. Может, все-таки на «ты»?

– С удовольствием. Мне кажется, тебе неприятно, что я

приехала, – вдруг говорит Лера.

– Мне? С чего бы? Мне все равно. Поверь, ты не единственная гостья здесь, тебя ждет много сюрпризов. Дэн хоть объяснил, что за компания?

– В общих чертах. Если ты переживаешь за мою психику, то зря, – улыбается она. – Я под настроение практикую, но, конечно, не в таком объеме, как он. Хочу поучиться.

Но мне интересно другое – наберется ли Лерка наглости поинтересоваться, что конкретно я здесь делаю. Но она деликатная – или просто не любопытная. Докуриваем, Лера косится на мой рюкзак, так и валяющийся у ног – я еще не заходила в дом:

– Олег Николаевич говорил, что ты интересуешься историей.

– Не совсем историей. Сегодня должен человек приехать, вот он как раз историк.

Это я о Максиме, в тусовке его называют Историком – как раз за профессию. Он очень интересный человек, я всегда с удовольствием общаюсь с ним на разные темы, кроме одной. Непосредственно Темы, ха-ха. Историк – жесткий приверженец доминирования, живет со своей сабой в режиме «лайф-стайл» 24/7 – когда тематические отношения не прекращаются ни на секунду и не ограничиваются временем экшена. Я этого не понимаю, потому не комментирую. Во всех остальных смыслах Историк в плане компании меня устраивает.

– Мари, ты мне нужна, – доносится с веранды голос Олега, и я, подхватив рюкзак, ухожу в дом.

Денис возится с огромным куском мяса – нарезает шашлыки, рядом с ним на доске лежит несколько больших луковиц. Он кивает на них:

– Порежешь? – пожимаю плечами и берусь за нож.

Нарезаю луковицы, не проронив ни единой слезы – какая-то особенность организма не исходить слезами при нарезке этого овоща. Вошедшая в этот момент в кухню Лера смотрит изумленно, а Олег чуть улыбается:

– Женщина, способная нарезать гору лука и не испортить макияж, может пойти на что угодно, да, Мари?

Пожимаю плечами:

– Вам виднее.

Это единственная моя уступка этикету – при посторонних всегда называю Верхнего на «вы», но это, надо признаться, совершенно меня не угнетает.

Олег занимается рыбой – огромной тушкой форели. Мне вдруг очень хочется, чтобы он бросил нож и пошел со мной наверх, в ту маленькую комнату, где мы обычно ночуем, но я понимаю – этого не будет до тех пор, пока все на этой даче не расползутся по комнатам и не улягутся.

Олег всегда добровольно берет на себя обязанности донжона – человека, отвечающего за то, чтобы во время экшенов ничего не случилось. Он имеет право остановить практику, если ему вдруг покажется, что Верхний делает что-то

во вред нижнему, и никто не смеет послушаться или возражать. Авторитет у моего Верхнего таков, что даже обсуждений никогда не возникает – все по умолчанию признают его право быть донжоном. К сожалению, некоторые Верхние позволяют себе работать экшн, приняв, так сказать, на грудь, а потому контроль за подобным действием должен быть обязательным.

Я, говоря честно, не понимаю нижних, которые соглашались на это – предсказать действия и реакции человека в алкогольном опьянении, пусть и в легкой его степени, крайне сложно. Я, наверное, выгляжу этаким тематической пуританкой, но мой довольно значительный опыт в Теме научил меня кое-чему. Но другим же свои мозги и жизненный опыт не всучишь насильно, поэтому, наверное, хорошо, что есть Олег, который может присмотреть за такими любителями экстрима, с которыми нам приходится общаться.

Закончив с рыбой, он моет руки и вдруг подхватывает меня и несет наверх, на ходу сообщив остальным, что трогать судок с замаринованной в специальном соусе форелью не стоит. Дэн понимающе хмыкает, и это меня снова бесит.

– Тебе обязательно нужно было вот так, чтоб все видели? – выговариваю Олегу, оказавшись в комнате на втором этаже.

– Я не спрашивал твоего мнения.

– Это я заметила.

– Мари! – предостерегающе произносит Олег, расстегивая

спортивную кофту, под которой – ничего, и я умолкаю.

Вид его обнаженной груди до сих пор заставляет меня замирать и забывать дышать, не знаю, почему. Он не раскачавшийся до неправдоподобности качок, как Дэн, у него просто сами по себе огромные плечи и руки, ну, плюс – работа на мясокомбинате в юности тоже сказалась, и физические упражнения. Дэн, правда, похудел, и это пошло ему на пользу, уже не производит впечатления куска мяса, как раньше. Олег другой по конституции – тоже высокий, но крепкий, с широкой грудной клеткой, и мне почему-то всегда кажется, что я могу на этой груди спрятаться от чего угодно. Даже от себя порой.

Я закрываю глаза и превращаюсь в слух – мне хочется понять, что именно сейчас произойдет, именно понять, а не увидеть. Я знаю, что Олег не опасается откатать экшн, когда внизу люди – я не издаю ни звука, а свист девайсов не особенно слышен на первом этаже. Странно только, что не предупредил.

– Отлично, стой так, – джинсы и толстовка падают на пол, футболка тоже, я остаюсь в белье – Олег предпочитает не раздевать меня сразу, оставляет это на финальную часть. – Руки вытяни перед собой, – наручники защелкиваются на запястьях. – Прекрасно. Не открывай глаза. Кляп нужен?

– Как скажете.

– Думаю, ты справишься и так. Идем, – берет меня за сцепку наручников, ведет куда-то, останавливает и легонько

вдавливая ладонью в спину.

Прислоняюсь к стене всем телом, чувствую слабый запах дерева, от которого почему-то кружится голова.

– Ноги раздвинь. Так... – на секунду прижимает меня всем телом к стене, горячо дышит в ухо. – Духи новые?

– Старые.

– Не узнал. Ладно, хватит.

Отходит, я слышу, как перебирает девайсы, машет по воздуху и только потом опускает мне на спину. Как обычно – разогрев с двух рук, кожа становится горячей и чувствительной. Удары все сильнее, промежутки между ними все короче. Хочется открыть глаза, но нельзя. Вцепляюсь ногтями поднятых вверх рук в бревно, даже не думая, что могу сломать их, сейчас это неважно.

– Цвет?

– Зеленый.

Удары продолжают, в голове потихоньку зашумело. Не знаю, по каким признакам Олег ловит тот момент, когда нужно отбросить плеть, чтобы я не потеряла сознание – видимо, за столько лет привык и прочувствовал, потому что «стоп» я говорю крайне редко – либо упираюсь, либо просто не успеваю, падая в обморок. Но это случается теперь нечасто – как раз потому, что он видит этот момент.

Олег разворачивает меня лицом к себе, сдвигает кружевные чашки лифчика, цепляет зажимы – по шесть штук, вкруговую, одиночные уже давно перестали приносить ощущение

ния, даже со снятыми резинками. Касается пальцем соска, и я вздрагиваю.

– Понял. Но позже, – мне кажется, я даже вижу, как он улыбается. – К стене лицом, – опять вжимает меня в бревно, на сей раз выходит чувствительно – зажимы впиваются в кожу.

Погрузившись в ощущения от двух девятихвостых «кошек», я не слышу, как открывается дверь. Олег дорабатывает серию и спокойно говорит, отбросив плети:

– Дверь с той стороны закрой, иначе я покажу, что могу сделать с тобой.

Дверь хлопает, из-за нее доносится смех Дэна и его фраза:

– И поверь мне, ты не захочешь увидеть этого.

– Боюсь догадаться, как после этого спит Мари, – это Лерка.

– А вот как раз Мари спит отлично, хотя бьет он ее в полную силу, просто следов не оставляет. Это не баба, а станок для отбивки девайсов – болевой порог высоченный.

– погоди секунду, – говорит Олег и, открыв дверь, рывкает: – Я же сказал – не доводи меня до греха! Идите на улицу все!

Дверь снова хлопает, но теперь из-за нее не доносится ни звука, а Олег осторожно целует меня в шею:

– Прости, малыш, отвлекся. Продолжаем?

К собственному удивлению, меня все это вообще никак не задевает – я не хочу терять только что набранный градус

в экшнере, не хочу остаться без сабспейса, потому Дэн и его слова меня не выбивают из равновесия. Несколько сильных, хлестких ударов возвращают мне удовольствие, и я думаю только об одном – было бы неплохо успеть дать знак Олегу, чтобы тот смог присоединиться ко мне за минуту до... потому что это самое лучшее, что может быть. И я успеваю, а потом даже не понимаю, как очутилась на кровати, как и когда Олег снял с груди зажимы, как снова улегся на меня сверху и двигается тихонько, уткнувшись лицом куда-то в шею.

Потом мы лежим на спине, я смотрю в потолок, и он кружится так, как бывает при сильном похмелье, меня даже подташнивает.

– Олег...

– Да, малыш? Чаю?

– Нет, не хочу. Не уходи от меня, пока я буду спать.

– Не уйду.

После экшнера я всегда засыпаю хоть на полчаса – такая реакция, и Олег, зная это, старается не мешать. Но сегодня я не хочу, чтобы он уходил, хочу спать в его руках, чувствовать его тело, его запах – это вообще способно примирить меня с чем угодно в этой жизни.

– Спи, малыш, я с тобой, – он укрывает нас одеялом, крепко прижимает меня к себе, и я засыпаю так спокойно, как редко сплю даже дома.

Открываю глаза примерно через час и не сразу понимаю, где нахожусь. Но рядом лежит Олег, и это возвращает меня

в действительность.

– Выспалась? – он целует меня в щеку, прижимает к себе.

Я очень люблю вот это ощущение близости, когда, открыв глаза, видишь его лицо, чувствуешь прикосновения. Неэмоциональный Олег в такие минуты открывается с другой стороны, становится нежным, что не совсем вяжется с его внешним обликом. Я выгибаюсь под его руками, наслаждаюсь каждым прикосновением и чувствую себя совершенно счастливой. Мы давно не говорим о чувствах – зачем, когда и без слов все понятно. А некоторые вещи вообще словами выразить невозможно.

Лерка, когда я появляюсь в кухне, смотрит на меня с интересом – видимо, сцена, которую ей продемонстрировал Дэн, произвела неизгладимое впечатление. Собственно, я знаю, что даже для довольно искушенных тематиков контраст между моими габаритами и силой, с которой машет девайсом мой Верхний, оказывается слегка шокирующим, а Лера все-таки не настолько в Теме. Сажусь к окну, закуриваю, оглядываю стол, интересуюсь, не надо ли помочь.

– Да мы и сами справимся, – в голосе у Леры удивление. Ну, еще бы – по ее понятиям, я сейчас должна лежать пластом.

– Давай внесем ясность, – предлагаю я, заметив, что Дэн и Олег вышли во двор к мангалу. – Я практикую это много лет. Это и многое другое, более жесткое. Так что смотреть

на меня как на приведение не нужно. Строго говоря, тебя и кого-то еще это вообще никак не касается. Я понимаю, что ты немного шокирована открывшейся правдой о своем шефе, но советую пережить этот шок самостоятельно, без посторонней помощи и не особенно распространяясь.

Лера пару секунд пристально смотрит мне в глаза, потом качает головой:

– Зря ты так, Мари.

– Надеюсь, ты не очень обиделась, – докуриваю сигарету и выхожу во двор.

– Тебя шатает, – замечает вернувшийся Дэн с ухмылкой.

– Завидуй молча.

– Ты чего злая-то такая? По идее, должна быть сейчас мягкая и податливая, – не унимается он.

Олег предостерегающе покашливает у него за спиной, но Дэн игнорирует. У меня возникает подозрение, что он настроен сегодня вывести кого-то из нас. Ну, от Олега он может бонусом получить экшн, а вот от меня-то ему что нужно? Я подхожу к Олегу, нанизывающему мясо на шампуры:

– Помочь?

– Подержи чашку с перцами.

Беру со стола глубокую чашку, в которой – нарезанный кольцами болгарский перец трех цветов.

– Правильно, хоть что-то заставь ее делать, – комментирует Дэн. – На вытянутые руки заставь взять.

– Кого, думаю, я забыл спросить, что и как мне делать? –

невозмутимо интересуется Олег. – Видимо, тебя, да? Не за-
рывайся, Дэн, я в последний раз говорю.

Дэн поднимает руки, признавая поражение.

Я часто думаю о том, как обычно реагирует мой Верхний на подобные выпады Дэна, и прихожу к выводу, что он все делает верно. Дэну важны эмоции, и, если бы Олег хоть разотреагировал иначе, вспылil бы – неизвестно, как все повернулось бы. Но Олег не дает ему возможности вывести себя. Мне иногда кажется, что он до сих пор винит себя за то, что сломал ему в свое время челюсть. Вот такой парадокс – считает, что был прав, но при этом винит себя за несдержанность.

– Любой конфликт можно и нужно решать словесно, особенно если ты имеешь преимущество в силе, – так он сказал однажды мне.

В глубине души я считаю, что Дэна за то, что он со мной сделал, надо было убить, но вешать такую вину на Верхнего не хочу, разумеется. С годами я почти отпустила это, даже перестала бояться Дэна, но иногда по ночам все еще вижу картины из той ночи в гараже, просыпаюсь от собственного крика и потом долго пытаюсь успокоиться, сидя на подоконнике с сигаретой. Олегу не рассказываю, не хочу расстраивать – он тоже до сих пор переживает эту ситуацию, в которой отчасти винит и себя, хотя совершенно ни при чем.

– Мари, ты уснула? – трясую головой и вижу, что чашка опустела, а шампуры с мясом, перцами, луком и помидорами

лежат горкой на подносе.

– Задумалась.

– Иди ко мне, – он расставляет перемазанные маринадом руки чуть в стороны, я обнимаю его за талию и смотрю снизу вверх в лицо.

– Идиллия, мать... – тихо матерится Дэн, забирает пустые чашки и уходит в дом.

– Не реагируй ты на него, – просит Олег, чмокая меня в макушку. – Ты же видишь – он как оголенный провод.

– Ну, так пусть держится от меня подальше. Я не виновата в том, что он не может устроить свою интимную жизнь. Нет, правда – вокруг полно нижних, которые будут только рады, которые будут соответствовать его запросам – лишь бы он внимание обратил.

– Может, причина в тебе?

– Не могу поверить, что ты серьезно.

– Я – не серьезно, – улыбается Олег. – Но ведь все может быть.

– Прошу – не зли меня. Ты прекрасно знаешь, что мне даже мысль об этом неприятна.

– Ну, почему? – продолжает он, сдувая с глаз мою упавшую челку. – Разве тебе не приятно думать о том, что человек ищет женщину, похожую на тебя?

– Я ведь попросила – не беси, а? Я думаю, что никто из тех, с кем я была, ни за что не станет искать себе кого-то, хотя бы отдаленно напоминающего меня. Если он в здравом

уме, конечно.

– Ты пользуешься тем, что у меня грязные руки, а у тебя светлые джинсы, я правильно понял? – чуть хмурится Олег, и я понимаю, что он имеет в виду – так и ввалил бы мне сейчас шлепка, но не хочет испачкать голубые джинсы маринадом.

– Правильно понимаешь. Хотя раз в жизни скажу, что думаю, – и мы вдруг начинаем бегать вокруг мангала, как два подростка, и краем глаза я замечаю, как с балкона второго этажа на нас смотрит Денис.

Через пару часов подтягиваются остальные. К счастью, кроме Историка с его нижней и старинного приятеля Дэна Севера, тоже с нижней, больше никого. Эта компания, пожалуй, самая приятная из возможных. Мне, как обычно, приходится брать на себя роль хозяйки в виду отсутствия таковой у Дениса. Леру он представляет как свою давнюю подругу. Историк, кажется, искренне рад меня видеть – в прошлый раз мы с ним здорово поспорили, и я позволила себе довольно резкий тон, о чем потом жалела. Но Максим оказался не злопамятным.

Странное дело – меня никто никогда вслух не называет нижней. Не знаю, как так получилось, но никто из Верхних в присутствии Олега не произносит этого слова – либо по имени, либо «твоя женщина». Те нижние, что в Д/с, не придают этому значения – у них не принято обсуждать действия

Верхних, а вот изредка затесывающиеся в компанию мазохистки – тем да, не нравится подобное. Им кажется, что меня как-то выделяют, словно бы ставят выше их. Мы с Олегом оказываемся в компании других тематиков в основном здесь, у Дениса, не посещаем – ну, или стараемся не посещать – различные мероприятия, устраиваемые тусовкой, а потому я не реагирую на злобное шипение за моей спиной. Так, собственно, было всегда – и когда я была с Денисом, и теперь, с Олегом, так что я привыкла.

– Ну, господа тематики, кто сегодня катать собирается? – спрашивает Денис, когда все рассаживаются за столом. – Интересуюсь с практической целью, наша гостья хочет набраться опыта, – он как-то панибратски жамкает Леру, та, судя по выражению лица, не совсем довольна.

– Насчет опыта набраться – это лучше к Олегу, – говорит Север, выпуская дым колечками.

– О, это ты зря. Олег не снисходит до такого.

Олег не реагирует совершенно. На него невозможно надавить, поймать его «на слабо» – если он сказал однажды, что публичных экшенов не работает, то бесполезно склонять его к этому.

– Может, Лера его попросит? – подает голос нижняя Севера, и в ее глазах я замечаю злорадство – если сейчас Лерка поддастся и начнет просить, то Олег будет выглядеть ломающимся выпендрежником.

Но Лерка на такое, к счастью, не ведется, уловив, видимо,

волну:

– Мое умение еще не настолько высоко, чтобы просить об уроках у Мастера.

Все дружно ржут, потому что Мастер – кличка Дениса.

– Вот Мастер тебя и поучит, – неожиданно говорю я, не в силах справиться с желанием уязвить его, уколоть. – Если, конечно, Север ему нижнюю одолжит.

Я неплохо знаю Севера – он, как раз, легко ведется на любую провокацию, а потому наверняка согласится. Ну, так и есть – он кивает:

– Я не против, пусть поработают.

Я чувствую двойное торжество, хотя вида не подаю – поставила на место нижнюю Севера и заняла руки Дэну, чтобы не лез к нам. Олег, правда, не очень доволен – я чувствую ощутимый тычок в бок, поворачиваюсь и вижу, как он неодобрительно качает головой. Но уже поздно, дело сделано, экшн я Дэну организовала, пусть учит Леру, если ему так хочется. Он хороший флагеллянт, тут не поспоришь, так что и нижняя Севера не останется обиженной, а в том, что ее Верхний так спокойно подставляет ее под чужую руку, моей вины нет.

Пока обговариваются детали, Лена, нижняя Историка, приносит поднос, на котором бутылка водки, бутылка вина и стаканы. Не пьет только Олег, и я прошу налить мне совсем чуть-чуть белого вина.

Денис, улучив момент, когда Олег выходит на веранду,

подкрадывается ко мне сзади и шепчет на ухо:

– Не могу пока понять, с какой целью ты это провернула, но все равно спасибо.

– Развлекайся, дорогой, – ухмыляюсь я.

– Уж не сомневайся, развлекаюсь. Правда, жаль, что это будешь не ты, – говорит он и поспешно отходит, чтобы чего не вышло.

Настроение у меня портится – Дэн умеет ударить в чувствительное место, а для меня любое упоминание о нашем совместном прошлом почему-то вдруг стало невыносимым. Не все было так плохо, как казалось мне в тот момент, когда он отдал меня Олегу, но это, скорее, от обиды и пережитого унижения.

Притянув в отношения Олега, Денис не рассчитал свои и его силы и совершил главную ошибку. Я думаю, что своим демаршем «я отдаю тебя Олегу, с сегодняшнего дня ты его нижняя» он хотел показать мне, кто в отношениях сверху, использовать это как своеобразное наказание. Но вышло не так, как он рассчитывал. Я не стала исполнять его прихоти, просто взяла и ушла, хотя несколько месяцев не могла прийти в себя от пережитого.

Спасибо Олегу – он нашел нужные слова, чтобы вернуть меня к жизни. Ну, и приложил все свои тематические навыки, чтобы я вновь стала собой. А когда Денис решил, что время наказания истекло, я уже приняла решение не возвращаться, потому что из отношений, где тебя слышат, не ухо-

дят. Олег слышал меня на каком-то клеточном уровне, мне даже вслух ничего не нужно было произносить, и это оказалось той самой «последней каплей».

Он изначально говорил, что я не привлекаю его как женщина, только как маза, но это прошло крайне быстро, и заниматься любовью со мной он стал ровно с той же частотой, что и катать экшены, и там у нас тоже все оказалось в полном порядке. Могу представить, что испытал Денис, когда понял – все, конец, больше ничего не будет. Дело не в том, что он меня как-то особенно сильно любил, нет. Просто в Теме очень тяжело терять того, с кем пробыл много лет, и кто устраивает тебя темпераментом и выносливостью. Есть, конечно, и там любители «свежего мяса», но Денис не из таких, ему никогда не нравились сюрпризы.

– О чем задумалась? – Олег как-то совсем уж неожиданно подкрался сзади и подхватил меня на руки.

Близость его тела всегда действует на меня магически – я мгновенно успокаиваюсь, впадаю в какой-то полутранс, даже не знаю, почему. Его сила обволакивает меня, поглощает, и из этого кокона я не имею никакого желания выбираться, потому что мне там комфортно.

– О тебе.

– Врешь, конечно, но мне приятно. Ну что – идем за стол? Ты бы поела хоть немного, с утра ведь на одном йогурте.

– Мне скоро в Москву, – говорю я неожиданно.

– Я помню. Одна полетишь?

– Не обижайся. Ты ведь знаешь – все кончено, мы даже не общаемся.

– Я не об этом.

Конечно, ты не об этом, потому что вслух никогда не произнесешь. Но я-то знаю, что тебя так беспокоит – в Москве Лялька. Однако я не обманываю – все кончено. Мне до сих пор больно, но ничего с этим не поделаешь.

Если честно, мне бы было легче, если бы он полетел со мной, но я пока не понимаю, как увязать это все в одну веревку – Москву, где все напоминает о Ляльке, квартиру, где мы с ней катали экшны, улицы, по которым ходили, кафешки, в которых подолгу сидели, глядя друг на друга через стол, – и Олега.

Это так больно – эмоционально принадлежать другому человеку, которому это все давно не нужно, а физически – совершенно другому. Я никак не могу избавиться от этой зависимости, как ни стараюсь. Честное слово, больше всего на свете я хочу забыть все, что было с Лялькой, но никак не могу, пока это сильнее меня. Наверное, это и есть измена.

– Олег, я все понимаю. Но ты можешь быть спокоен, это я тебе обещаю твердо.

– Мари, я повторяю – речь не о ней. Речь о том, что тебе будет тяжело одной, совсем без помощи. Что случится, если ты не сможешь выйти из дома?

– Вызову такси.

– Да? А до такси как дойдешь?

– Прекрати, я тебя прошу. Ты ведь знаешь, я сильная, я соберусь и справлюсь, я всегда так делаю. Ты разговаривал с врачом, он тебе что сказал?

– Что ты живешь на морально-волевых. Я, конечно, тобой горжусь, но мне хочется максимально облегчить тебе эту жизнь. В конце концов, я твой Верхний, я несу ответственность.

– Олег, есть ответственность, под которой могут подогнуться колени. Я не хочу, чтобы это случилось с тобой. Если мне нужна будет помощь, ты будешь первым, к кому я обращаюсь.

– Ты говоришь об этом постоянно, но никогда не выполняешь этого обещания, – вздыхает Олег, и он прав.

Мне трудно даются просьбы о помощи, легче собрать в кулак остатки сил и воли и сделать все самостоятельно. Я – такая, и тут уже ничего, пожалуй, не исправишь.

– Я тебе обещаю, – разворачиваюсь и беру в ладони его лицо, смотрю в глаза. – Честное слово, я обещаю тебе, что если вдруг почувствую себя плохо или окажусь, не дай бог, беспомощной, то сразу позвоню тебе и попрошу приехать.

– Я тебе, конечно, не верю, но выбора у меня тоже нет – не забираться же в чемодан.

– Я тебя не допру, – смеюсь я и целую его в нос.

– Вы так и будете в прихожей обжиматься? – раздается с веранды недовольный голос Дениса.

– Ты соскучился без нас, малыш? – ехидничает Олег, вно-

ся меня на веранду и опуская там на пол.

– Безумно. Давайте уже бахнем, закусим – и айда.

– Ты смотри, как подпирает, – бормочу я, усаживаясь между Олегом и Историком.

– Ну, у парня не было практики... а сколько, кстати? – интересуется Историк, который довольно близко дружит с Денисом, а потому в курсе его проблем с личной жизнью.

Мы с Олегом смотрим друг на друга, но молчим. Свой последний экшн Дэн катал со мной в присутствии Олега около года назад – полноценный экшн, я имею в виду, а не случайную порку чужой мазы. Но говорить об этом по понятным причинам никто из нас троих не хочет.

– Зато сейчас у него будет возможность все наверстать, – невозмутимо говорит Олег, аккуратно укладывая на мою тарелку чипсы с тар-таром и нарезанный четвертинками болгарский перец.

– Мари, ты совсем ничего не ешь, – замечает Историк.

– Я еще и не пью.

– Странно, раньше, помню, коньячок уважала.

– Все течет, все изменяется. Я и сигары теперь не курю почти, заметили?

– Заметил, – смеется он. – Раньше, бывало, сядет в кресло, ноги подожмет, кончик сигары в коньяк макнет и дымит.

– Мы сейчас ведем себя как два старика на лавке, – улыбаюсь я.

– Да, прямо ностальгия. Мы с тобой, оказывается, так дав-

но знакомы?

– Давно. И до сих пор так и не решили, что же толкнуло генерала Власова на предательство, – говорю я, окончательно развеселившись – эта тема у нас самая острая, и дебаты не прекращаются.

– О-о-о, только не сейчас! – притворно стонет Олег. – Я же не смогу разорваться, мне нужно за экшеном следить, а как вас оставишь, вы ведь подеретесь. Дайте уже генералу лежать спокойно.

– Хорошо, господин, только потому, что вы просите, а не приказываете, – притворно опуская вниз глаза и чувствую, как под столом Олег гладит меня по бедру.

Я бросаю взгляд на Дениса и вижу, как у него лихорадочно блестят глаза, какой он весь взбудораженный, взвинченный, на адреналине. Даже не представляю, как он сможет контролировать себя, и теперь мне уже немного не по себе, что я фактически организовала этот экшн. Остается уповать на Олега и на то, что Денис в случае чего его услышит. Но мне крайне не хочется остаться виноватой, если с нижней Севера что-то произойдет. Да, прямой моей вины в этом нет, но сама я буду чувствовать себя паршиво. Улучив момент, когда за столом опять возник какой-то разговор, я встаю и подхожу к ней:

– Ира, можно тебя на минутку?

Она удивленно вскидывает по-модному нарисованные брови, но встает и идет за мной в прихожую, даже не спросив

разрешения у своего Верха.

– Говори, – закуривая сигарету, предлагает она.

– Ира, посмотри внимательно на Дениса. Тебе ничего не кажется странным?

Она долго вглядывается через дверной проем в жестикулирующего в разговоре Дэна, а потом произносит:

– Нет. А что?

– Ира, я его хорошо знаю. Он слишком возбужден и может сорваться, за ним водится такой грех.

– И что? – прищуривается она. – Предлагаешь мне сказать «нет» Северу? Я не готова понести наказание за отказ прилюдно.

– То есть тебе все равно, что ты сейчас можешь стать невольной жертвой и пострадать физически?

– Мари, ты говорила бы как есть. Ревнуешь? Так тебе ничего не мешает оказаться на моем месте. И никто, скорее всего. Или ты так боишься Олега? Насколько я знаю, он тебя не дээсит.

– Дело не в этом. И тему про ревность тоже оставь – я давно не с Денисом. Я не хочу, чтобы ты пострадала.

– Мари, короче, хватит. Я тебя поняла. Ты замутила это, не подумав, а теперь просто не можешь пережить, что Мастер будет работать с кем-то другим. Ничего, как-нибудь проглотишь, – она выбрасывает окурок и идет на веранду, а я чувствую себя полной дурой.

Похоже, в ее глазах я выглядела ревливой собственницей,

собакой на сене. Я-то знаю, что это не так, а вот окружающие... Черт, зря я вообще все это затеяла... Пойду сейчас и спать лягу.

Но мой хитрый план срывается. Олег, учуявший неладное, выходит на веранду и, взяв меня за подбородок, пристально смотрит в глаза:

– Что случилось?

– Ничего, все в порядке.

– Если бы мы не были знакомы, я б поверил. Но ты – это ты. Поэтому советую рассказать все добровольно.

В этой фразе, как, впрочем, и всегда, нет ни капли угрозы, однако я понимаю, что лучше сказать, потому что потом, когда он сам все узнает, будет хуже. Ведь еще и перевернут...

Вздыхнув, выкладываю содержание разговора с Иркой, а заодно и свои опасения. Олег молча выслушивает, потом произносит совершенно без эмоций:

– И все?

– Да.

– Не понял, по какой причине траур. Ты что – действительно ревнуешь Дениса?

– Не говорите глупостей.

– Тогда вообще не понимаю. Что касается Ирины, не волнуйся, я не допущу, чтобы с ней что-то случилось, да и Север вряд ли позволит. Все, инцидент исчерпан? Идем на улицу, только куртку возьми, стало прохладно. И еще, Мари... прекрати грузить себя чужими проблемами, хорошо? У тебя

достаточно своих. А теперь поцелуй меня и иди за курткой.

Я ненавижу, когда он так прав. Потому что мне обидно, что сама не смогла до этой правды додуматься, а я не люблю быть глупее, чем на самом деле есть. Но, может, это и хорошо, что он, такой рассудительный и умный, есть у меня?..

Экшн я смотрю, отстранившись как можно дальше от компании. Для неподготовленного человека тематический экшн выглядит средневековой пыткой, это чистая правда, никаких там меховых наручничков и игривых взмахов тоненьким стеклом с кисточкой на конце. Здоровенный мужик со всей дури лупит плетью привязанную к деревянному кресту-распорке женщину, и только те, кто в этом понимают, видят в действе красоту, любовь и удовольствие. А бондажные практики? Причудливая вязь веревки на теле, почти неестественные позы – но на самом деле это такой кайф, что слов не хватит. Но, опять-таки, для тех, кто понимает.

Кроме того, у некоторых нижних звуковое сопровождение является обязательным атрибутом, да и Верхнему порой так проще контролировать процесс. И Ира не от боли кричит, а от захлестывающих эмоций. Если что-то пойдет не так, Олег все остановит.

В это время Денис передает «кошку» Лере, и та, к моему глубочайшему удивлению, начинает выделять плетью такое, что у меня отвисает челюсть. Я, правда, вижу, что руку ей ставил Денис, все-таки его технику я знаю прекрасно, но

какая разница, когда по всему телу Лерки видно, как ей хорошо. Она делает то, чего давно хотела...

Я отрываюсь от раздумий и вижу, что Север тоже подключился к Лере, и теперь они работают вдвоем, а Дэн подсказывает и поправляет Леру. Рука у Севера немного дрожит, он то и дело «засекается», удар ложится не в то место, куда был направлен, и это заметно не только мне.

– Север, все, стоп! – Олег кладет руку ему на плечо.

Но тут Денис решительно скидывает руку Олега и зло произносит:

– Ничего страшного не случилось, засекся немного, бывает.

– Я сказал – стоп, хватит, – чуть повышает голос Олег, и Север, откинув «кошку», поднимает руки:

– Дэн, не спорь, он прав. Я закончил.

– А я нет!

– Тебе никто ничего и не сказал, – говорит Олег и отходит чуть в сторону.

Определенно Денис нарывается на неприятности, я нутром это чувствую, только не понимаю, зачем. Если хочет быть выпоротым, то зря старается – Олег не станет этого делать. Изначально была между ними договоренность, что они не выносят это в тусовку, там не поймут, и статус самого же Дэна будет подпорчен, и я никак не пойму, зачем он в который уже раз так настойчиво лезет Олегу под руку.

– Олег... с ним точно все нормально? – но он только рукой

машет – мол, не отвлекаяй меня, и я умолкаю.

Смотрю продолжение экшена и почти физически ощущаю, что Дэн вот-вот сорвется. Ну, со мной такое бывало часто – если кто-то мешал, или если я сама невпопад произносила какое-то слово или отказывалась выполнять какую-то его прихоть. Поэтому Дэн так любил всевозможные кляпы – заткнул мне рот, и все, делай, что хочешь. Наконец Дэн, видимо, выдыхается, потому что отбрасывает плеть, и вслед за ним это же делает Лера. «Вялые, непродолжительные аплодисменты» – так, кажется, говорят в театре, когда спектакль не пользуется спросом у зрителей? Север трогает тыльной стороной ладони спину Иры, что-то спрашивает, она что-то тихо бормочет, обвиснув на наручах. Историк помогает снять ее с креста, его нижняя приносит плед, а Дэн все сидит на земле, прислонившись спиной к стенке гаража.

Подходит разгоряченная экшеном Лера, щеки красные, глаза блестят:

– Ну, как?

Пожимаю плечами – я видела в своей жизни еще и не такое. И потом – физическая боль совершенно не то же самое, что попытки доминирования через силу, потому мазохизм во всех его проявлениях мне лично куда ближе, чем подчинение.

Дэн, когда мы с ним плавно двинулись к финалу, упустил это из вида. Нельзя против воли, нельзя ломать психику, это очень опасно. Именно после подобного психологиче-

ского воспитательного момента я оказалась в клинике невротиков и боялась даже собственного отражения в домашнем зеркале, которое, даже выписавшись, завесила тряпкой. Когда человека заставляют ломать себя, то речь уже не идет о чувствах.

С точки зрения сторонников Д/с, ничего криминального Дэн со мной не сделал, некоторые сабы любят подобное и находят очень возбуждающим и «тематичным», но то – сабы... Мне же пришедший по смс в ресторане приказ сперва снять стринги и отдать Дэну через стол, а затем – приказ опуститься на колени под столом и осчастливить господина минетом оказались просто не по силам. Да, мы сидели втроем в отдельном кабинете, да, человек, обедавший с нами, тоже был тематиком, да, для Д/с это нормально. Но мне это все отвинтило голову. Я сделала все, что потребовал Денис, но всю обратную дорогу молчала, как молчала потом еще неделю, шугаясь от собственного отражения.

Ночами мне снился этот злосчастный ресторан, длинный стол, и за ним – множество знакомых и незнакомых мужчин, с которыми я вынуждена была проделывать эту процедуру раз за разом.

Поняв, что схожу с ума, я позвонила приятельнице-психиатру, и та меня скоренько госпитализировала, красиво обставив это как «нервный срыв, астенический синдром» – чтобы не пришлось ничего объяснять маме, потерявшей меня.

Денис, кстати, не сразу понял, в чем причина моей госпи-

тализации, а когда понял, здорово испугался. Нет, не за меня, как могло бы показаться. За себя, любимого. Ну, еще бы – кому нужна маза со съехавшей крышей? Да и обвинений побоялся, что уж там, хотя и знал – я никогда не пойду в полицию, что бы он ни сделал. Как не пошла и потом, после той ночи в гараже.

Олег всегда сперва разговаривает, объясняет, выясняет и подводит меня к тому, что потом я думаю, будто сама этого захотела. Но надо признать, что ни разу он не сделал ничего, что причинило бы мне вред, и ни разу не нарушил обещания остановиться, если видел, что мне плохо.

Я сегодня поразительно много роюсь в прошлом, даже странно – обычно я стараюсь избегать этого, потому что многие эпизоды до сих пор причиняют боль, причем не ту, которая мне нравится. Надо с Олегом об этом поговорить, он всегда очень точно может объяснить мне какие-то вещи, заставляющие меня возвращаться в прошлое. И вообще – сейчас я просто хочу оказаться в его руках, ничего больше не хочу.

– А давайте-ка дружно накатим! – зычно предлагает Историк, и это предложение не вызывает нареканий у компании.

Но я лично уже не хочу ничего – только забраться в постель, потому тихонько отпрашиваюсь у Олега и ухожу наверх. Он идет со мной, на ходу вздыхая, что не может присоединиться прямо сейчас – мол, нужно и камин погасить, и двери запереть, и проследить, чтобы все улеглись.

– Ты не устал быть всем папой, а? – спрашиваю, расправляя постель, и Олег вдруг говорит:

– А и правда. Ну их всех к лешему, взрослые люди, сами разберутся.

Счастье есть. Это точно. Однако все равно приходится еще раз спуститься вниз. Там полным ходом вечеринка, Олег тушит камин, все выпивают и закусывают. Лера выбирается из-за стола:

– Покурим на крыльце? – я согласно киваю, и мы выходим из дома.

– Угощайся, – протягиваю ей свою пачку.

– Слушай, Мари, – закуривая, произносит она. – Я извиниться хотела за сегодняшнее... ну, за то, что в комнату к вам ломанулась с Дэном.

– Мы же это вроде обсудили уже. Любопытство погнало?

– Типа того.

– Ну и как?

– Ты офигенная.

– Я тут ни при чем. Все зависит от Верхнего.

– Да уж... Олег, конечно... я даже представить не могла.

Но ты...

– Так, Лера, – жестко говорю я, уловив в голосе знакомые до боли нотки. – Давай внесем ясность. С тобой у нас ничего никогда не будет, это понятно? Я уже была в Теме с женщиной и, расставаясь, пообещала, что у меня никогда не будет другой. Не обижайся.

– А ты как поняла, что я..?

– А много надо ума? Все бабы одинаковые, даже если Верхние.

– Ну... даже не знаю, что говорить теперь...

– А ничего. Давай останемся друзьями – так пойдет?

– Это очень безнадежная фраза, – улыбается Лерка. – После нее хочется пойти и застрелиться.

– Надеюсь, ты не умеешь стрелять.

– Ты права – не умею. Поэтому пойду и нажрусь незатейливо. Спокойной вам ночи, Мари.

Она чуть наклоняется и целует меня в щеку, это как-то неожиданно, и я хватаюсь рукой за то место, в которое пришелся поцелуй, словно она ударила меня. Лера улыбается чуть виновато:

– Извини, Мари, это по-дружески, – и уходит на веранду, где ее радостным возгласом встречает Денис:

– Лерок, давай-ка выпьем за твой дебют!

Я выхожу на крыльцо, забыв, что на мне только толстовка на голое тело, а уже ночь, холодно. Ежусь, обхватив себя за плечи, но в дом не хочу – воздух здесь такой свежий, и совсем тихо. Похоже, что в соседних домах никого нет.

– Я тебя потерял, – сзади возникает Олег, обнимает меня, и сразу становится тепло.

– Хочу постоять пару минут, смотри, как легко дышится.

– Давай постоим, – соглашается он, упираясь подбородком мне в макушку.

По поводу огромной разницы в наших габаритах одно время ходила шутка – «Мари как чи-хуа-хуа, которых держат в питомнике для сенбернаров, чтобы те бегали и форму не теряли». Вполне безобидная шутка, отражающая истинное положение вещей – мне всегда нравились мужчины огромные, намного выше меня и выглядящие такими скалами, утесами, за которыми можно укрыться в бурю. Денис немного ниже Олега, но увлечение культуризмом не прошло даром, и по габаритам они вполне могли раньше сравниться. Сейчас Дэн похудел, как-то сдулся, выглядит меньше и уже не производит впечатления надежной опоры. Хотя, скорее всего, это мое отношение к нему изменилось, а потому я не воспринимаю его так, как раньше.

– Руки холодные у тебя, – говорит Олег, коснувшись моей руки. – Идем, хватит уже.

– Ты веревки не брал? – неожиданно спрашиваю я, и Олег смеется:

– Мари, ты прекрасно знаешь, что я тебя насквозь вижу. Что случилось? Ты спрашиваешь о веревках в тот момент, когда тебя внутри что-то в клочки раздирает, и ты стараешься через обвязку собрать себя в кучу. Опровергни, – предлагает он.

Что тут опровергать? Он прав. Всякий раз, когда мне в голову приходят мысли о Ляльке, я бегу к Олегу и прошу связать меня. Отлежав в плотной обвязке определенное время, я раскладываю мысли по полочкам, Ляльку убираю в самый

дальний угол, и мне становится легче на какое-то время. Да, сейчас промежутки между такими заходами стали длиннее, но они все еще возникают. Олег прав – я компенсаторик, как и Дэн.

– Молчишь? Значит, я прав, – констатирует Олег. – Вербки я взял, но может, лучше просто поговорим?

Я не могу с ним об этом разговаривать. Даже не так – мне больно. Я вижу, что причиняю этими разговорами боль ему, и от этого становится плохо мне. Еще хуже, чем до разговора. Словом, это та ситуация, которую нельзя «выговорить», во всяком случае, нельзя сделать это с ним. Поэтому лучше вербки.

– Прости... не сегодня. Идем спать, – я пытаюсь вывернуться из его рук, но тщетно – Олег разомкнет объятия ровно в тот момент, когда решит сам.

– Мари.

– Ну, что?! Ты можешь хотя бы раз не настаивать на своем? Ты можешь хоть раз в жизни перестать быть Верхним и попробовать понять меня по-человечески, без вот этих задвигов «я несу за тебя ответственность»?!

Его руки мгновенно оставляют меня в покое, Олег разворачивается и уходит в дом, не сказав больше ни слова, а я чувствую, как защипало в носу. Достая сигареты, закуриваю, сажусь на ступеньку и пытаюсь не заплакать. Иной раз мой язык здорово опережает мозг, и от этого и возникают вот такие неприятности. Нельзя до бесконечности втыкать в чело-

века иглы и надеяться, что он этого не заметит. Ведь я знаю, что он отлично понял причину, потому что вот уже пару лет она одна. И знаю, как ему это неприятно. Да, он пережил – но простить до конца не может, и я его понимаю. Не надо было сегодня об этом...

– Одна и без охраны? Редкая удача, – рядом на ступеньку плюхается уже изрядно подвыпивший Денис, берет сигарету из моей пачки. – Зажигалку Мастеру.

Бросаю зажигалку на крыльцо.

– Подними и подай, как положено, – требует он.

– А идите-ка вы, Мастер, на хрен, – советую я, вставая, но Денис хватает меня за толстовку:

– Куда? Я тебя не отпускал.

– Ты хочешь, чтобы я заорала? Я могу. Но вспомни о последствиях.

– Да ты ж его довела, он замахнул полстакана водки, так что я бы на твоём месте не рыпался – вдруг решит не заступаться?

Ого... а вот это уже неприятная новость. Олег не пьёт, и полстакана водки, если Дэн не приврал, это кризис. А я его знаю – может не остановиться.

– Чего ты ему наговорила?

– Не твоё дело. Отпусти толстовку.

– Я же сказал – не рыпайся, сорвусь – сама знаешь, что может случиться, – говорит Денис совершенно осознанно, и мне становится страшно.

Он прекрасно понимает, что в определенный момент может не удержаться в рамках, понимает, чем может закончиться этот срыв. Уже неплохо, значит, он отдает себе отчет в том, что с его головой что-то происходит.

– Хорошо, – сдаюсь я. – Отпусти, я сяду.

Он разжимает пальцы, я сажусь на крыльцо. Денис закуривает, возвращает мне зажигалку.

– Как тебе Лерка?

– Мне-то что?

– Она неплохая баба.

– Ну, и дальше?

– Тебе второй смысл нужен? По-твоему, я не могу просто сказать, что Лерка – нормальная баба?

– Ты – нет, не можешь.

– Дура ты, Машка. И живешь в каком-то своем измерении. Удивляюсь, как Олег сумел туда пробиться.

– Он понял, что не надо переть напролом, и я сама впускаю всюду, куда он захочет. Все, Дэн, я пойду спать.

– Имей в виду – он пьяный себя не контролирует, не позволяй ничего, порвет.

– Разберусь.

Я прекрасно знаю, что пьяный Олег никогда не притронется ко мне девайсами, знает, что может не рассчитать силу, а потому совершенно не боюсь. Поднимаюсь наверх и застаю дивную картину – мой Верхний лежит поперек кровати, отхлебывает водку из горла и слушает музыку, положив рядом

телефон. Мой, кстати, телефон.

– Где была? – спрашивает совершенно трезвым голосом.

– Курила на крыльце.

– С кем?

– С Денисом.

– Мо-ло-дец! – саркастично тянет он, делая очередной глоток.

– Ты сам говорил – не отпихивай его, не провоцируй на грубость.

– А ты у меня послушная, да?

– Олег...

– Раздевайся.

– Что?

– Не слышишь?

– Зачем?

– Еще раз повторить?

Н-да... похоже, вечер перестал быть томным. Расстегиваю «молнию» толстовки, стягиваю джинсы.

– Дальше, – очередной глоток водки.

– Олег, не надо...

– Повторить?

Сбрасываю белье.

– Иди сюда.

Подхожу к кровати, ложусь рядом на спину. Олег делает еще глоток, отставляет почти пустую бутылку на пол, переворачивается и смотрит мне в глаза. Это странно, но он вы-

глядит почти трезвым, от чего мне становится совсем страшно.

– Боишься? – ну, вот как он это делает? Откуда он знает, что я боюсь его сейчас, если я изо всех сил стараюсь не показать этого?

– Да...

– Никогда меня не бойся.

Он начинает легонько гладить меня рукой, и я покрываюсь мурашками, потому что чувствую – это просто так не кончится.

– Ноги, – мычит он, целуя грудь, и я раздвигаю ноги. – Расслабься, Мари, – его рука во мне, сначала медленно и осторожно, потом все жестче и больней.

Выгибаюсь, закатив глаза. Я могу остановить, просто сказав «стоп», но не делаю этого. Все происходящее кажется мне наказанием, которое я заслужила.

– Принеси веревки, – откатившись от меня, говорит Олег.

Я с трудом встаю с кровати, иду к стоящему в углу саквояжу с девайсами, беру там мешок, в котором хранятся джутовые веревки. Что-то мне уже не кажется блестящей идеей с бондажом, потому что и обычно-то у Олега это не искусство, а боевое связывание, даже дыхание замирает, а под алкоголем – кто знает, с какой силой он затянет узлы.

– Ты сомневаешься?

Ложусь рядом, кладу руку ему на грудь, чувствую, как бьется сердце. Ему нельзя много пить...

– Олег... прости меня.

– Не надо, Мари, – говорит он, закрыв глаза. – Это не наказание. Я ведь все понимаю. Я вижу, как ты стараешься все забыть, но тебе трудно. И меня очень злит, что я не могу помочь тебе.

– Это не так...

– Ты замерзла, – вдруг произносит он и тянет край покрывала, чтобы набросить на меня. – Иди сюда...

Я понимаю, что уже никакого бондажа не будет, чувствую, что он передумал, и это, пожалуй, к лучшему. И я даже знаю, чего он хочет сейчас, от него прямо волна идет.

– Не сдерживайся, – шепчу я, и он, приподнявшись на локте, смотрит мне в глаза:

– Мари...

– Ты меня слышал.

Завтра я наверняка пожалею о своем решении, потому что буду в синяках – в такие моменты Олег забывает обо всем и не контролирует силу, с которой прикасается ко мне, но и черт с ним – кого мне бояться? Это же не экшн, договоренность по поводу следов на это не распространяется.

...в конце концов мы сломали кровать. Ну, что ж, бывает, не всякому деревянному сооружению под силу выдержать напор двух тел, одно из которых весит куда больше ста килограммов.

– М-да... – тянет Олег, помогая мне подняться, и мы, посмотрев друг на друга, начинаем истошно хохотать. – Нанес-

ли непоправимый урон имуществу.

– Ничего, переживет, он все равно ее выбрасывать хотел.

Он подносит меня к стене, прижимает спиной, забрасывает мои ноги себе на бедра.

– Стену бы теперь не сломать, – бормочет куда-то мне в шею, и я опять закатываюсь смехом. – Да тише ты, разбудим же всех...

– А никто еще и не спит... странно, что не пришли посмотреть, что за грохот.

Потом мы лежим на сброшенном прямо на пол матрасе, курим одну сигарету на двоих, и я, положив голову ему на грудь, прошу:

– Не пей больше...

– Нет, малыш, больше не буду. И за это прости.

– Тебе нужно было расслабиться, я понимаю, но я боюсь тебя, такого.

– Мари, мы не вчера познакомились, и твои слова меня расстраивают.

– У тебя язык заплетается, – смеюсь я. – Давай завтра об этом поговорим.

Олег тушит окурки в пепельнице, отодвигает ее подальше, подминает меня к себе под бок и утыкается лицом в шею:

– Не отпущу никуда.

– Спи. Я никуда не собираюсь.

Утро начинается с появления Дениса. Он бесцеремонно

входит в комнату, и я едва успеваю набросить одеяло – в комнате жарко, мы спали без него.

– Ой, чего я там не видел, – фыркает Дэн, садясь на край матраса.

– Стучаться не учили? – недовольно интересуется Олег. – И зад с матраса убери.

– У тебя что – похмелье? Минералочки хочешь? – Дэн демонстрирует принесенную бутылку воды, но Олег отказывается:

– Переживу.

– Ноль-семь в одно лицо – и переживешь? Вот это я понимаю – здоровье, – сам Денис выглядит помятым и похмельным, глаза красные, руки подрагивают.

– Ты как домой поедешь? – кивает на дрожащую в руке Дениса бутылку Олег.

– Ничего, отлежусь. Олег, – вдруг просительным тоном произносит Дэн, косясь на меня недовольно, и я мгновенно догадываюсь, о чем пойдет речь.

– Нет, – жестко говорит Олег, тоже понявший, к чему этот утренний визит без стука. – Ты пил, я пил – не рассчитаю, кровью истечешь.

– Да брось ты! Чего мы там пили-то?

– Я сказал – нет.

– Тебе что, тяжело?

– Мне не тяжело. А тебе сейчас не надо. Все, гази базар, – Олег сгребает меня в охапку и поворачивается к Дэну спи-

ной. – Иди, мы еще поваляемся, рано ведь.

– Ты человек или нет? Не видишь, меня всего колотит? Экшн этот вчера, а разрядки никакой.

– Ты плохо слышишь? – не поворачиваясь говорит Олег. – Я не буду больше повторять, вставай и сваливай.

– Олег... – о, а вот на это я бы уже посмотрела – судя по интонациям, Дэн сейчас в ногах валяться начнет, вымаливая экшн. Презабавное будет зрелище...

Но Олег, конечно, не позволит ему упасть так низко, да еще в моем присутствии, встает со вздохом, берет Дениса за воротник толстовки и выпихивает за дверь:

– Я не подаю с утра. И не поддаю тоже. Иди, займись чем-нибудь, вот и отпустит, – щелкает шпингалет на двери, Дэн делает пару вялых попыток стучать, потом пинает дверь, матерится и уходит.

Олег идет к окну, открывает его, впуская в комнату утреннюю прохладу, закуривает и спрашивает:

– Видела?

– А то... что-то он совсем уплыл.

– Между прочим, ты в этом косвенно виновата.

– Ой, да разумеется! – кривлюсь я недовольно. – Я всегда виновата в том, что у него крыша гвоздиками неплотно прибита. За столько лет уже мог бы решить свои проблемы, тебе не кажется?

– Кажется. Но он не может, как видишь.

– Если честно, меня раздражает то, что вы с ним делаете.

– О, ну-ка, поподробнее отсюда, – с интересом поворачивается Олег, садясь на подоконник.

– Не сиди голым на окне.

– А то что? Боишься – кто-то претендовать начнет?

– Мне не смешно. Простудишься просто.

Он берет спортивные брюки, натягивает и возвращается на подоконник:

– Так лучше? Ну, так что там по поводу раздражения?

– Дай мне сигаретку.

– Не кури на голодный желудок, тебе нельзя. И не увиливай.

– О, черт... ладно, скажу. Мне не нравится, что ты и он... ну, словом, я, похоже, ревную, вот.

Оглушительный смех Олега заставляет меня вздрогнуть и замолчать.

– Мари, ну это... это... даже слов не подберу... уф, господи... – ржет он, закинув на подоконник ногу и опираясь на нее локтем. – С ума сошла?

– Я не имею в виду, что у вас там интимное что-то, я не об этом... просто ты ведь знаешь – я собственница, мы договаривались – никаких гаремов, никаких нижних, кроме меня, лучше скажи, если надоем, и я уйду...

– Слушай, вот пил я, а похмелье у тебя – как так вышло?

– Олег, мне не смешно. Эта безобразная сцена сегодня... ну, я себя чувствую лишней.

– Так, ну-ка, иди сюда, – став вмиг жестким, говорит он

и выбрасывает сигарету.

Я встаю и, завернувшись в одеяло, подхожу к нему.

– В ноги. Мари, слышишь?

Опускаюсь на колени, смотрю снизу вверх, как он тянет в стороны завязки брюк, потом берет меня за затылок ладонью и притягивает к себе.

– Да-а-а... – выдыхает, крепко вцепившись мне пальцами в волосы. Потом пару секунд еще стоит неподвижно, выпускает меня и смотрит слегка расфокусированным взглядом: – А теперь скажи – какой Дэн может заменить тебя?

– Дело только в этом?

Олег опускается на пол рядом со мной, тянет к себе, обнимает и шепчет на ухо:

– Дело в том, что ты – моя. И только с тобой я хочу все. Не смей даже задумываться о такой ерунде, я запрещаю.

– Сейчас это звучит так, словно ты любишь меня исключительно за минет.

– Это звучит так, что я люблю тебя даже за твою упрямую дурость. Ты – моя, и другого ничего мне не нужно. Не можешь присутствовать при экшенах – не приходи в эти дни, вот и все.

Я и так не присутствую, видела все это действие пару раз, потом всегда уходила в спальню, расположенную максимально далеко от звукоизолированной «норы», где Олег катает экшены. Но всякий раз у меня внутри сидела заноза. Да, я знаю, что ничего, кроме порки, там не происходит, было бы

смешно и глупо об этом думать – оба такие строгие гетеро, даже не знаю, что должно произойти, чтобы между ними что-то случилось. Но мне почему-то кажется, что Олег таким образом мне изменяет, и я никак не могу отделаться от этого ощущения. Головой все понимаю, но...

– Давай-ка на матрас, дует из окна, – он легко перебрасывает меня с пола на матрас, сам устраивается рядом. – Ты с утра невыносима, но так притягательна, – бормочет, стягивая одеяло. – Забываю, сколько мне лет.

– Не так много, как ты думаешь. Меня бесит, когда ты говоришь это и когда контролируешь себя...

– Мари, список «бесит» сегодня перевалил за разумные пределы. Остановись, – он гладит меня по груди, зажимает соски пальцами. – Хочу.

– Так не стесняйся. Побьем все рекорды, раз уж у тебя с похмелья такая потенция.

Через пару минут жалею о своих словах – после ночи и так болит все тело, а Олег и сейчас не особенно церемонится, вертит меня как куклу, берет грубо и жестко.

– Вы там насмерть решили затрахаться? – раздаётся из-за двери, и Олег орет матом:

– На... пошел, я тебе сказал! – при этом слишком сильно сжимает пальцы руки, держащей меня за горло, я начинаю ловить воздух ртом и задыхаться. – О, господи, Мари! – пальцы разжимаются, я кашляю, уткнувшись в подушку лицом. – Малыш, ты в порядке?

– Да... – хрипло бормочу я. – Не уходи... – но Олег уже отстранился, заглядывает мне в лицо:

– Ты точно в порядке?

– Да, все хорошо.

– Да ни хрена не хорошо! – злится Олег. – Мог ведь придушить.

– Да уж, асфиксия – не моя практика...

– Какая, к черту, практика! Бей меня по руке в следующий раз, когда к горлу потянусь.

– Нет.

Он садится на пятки, внимательно смотрит мне в лицо:

– Теперь ты понимаешь, почему никакого «найф-плея» у нас не будет? Ты предела не понимаешь, а я с ножом в руке могу наворотить такого, о чем потом буду жалеть. Больше не заикайся.

Ну, вот так... «Ножички» отменяются. Я не очень люблю эту кровавую практику, но иногда, для разнообразия, мне хочется почувствовать на коже лезвие ножа, и Олег – я знаю – это умеет. Но сегодняшняя сцена показала, что теперь мне ни за что не удастся склонить его к этому. Сказав «нет», Олег не говорит «да» ни при каких обстоятельствах. Но, может, оно и к лучшему...

– Олег, идите завтракать, – после осторожного стука произносит за дверью Лера.

– Да, спасибо, мы сейчас. Вставай, Мари, пойдем.

– В душ бы...

– Потом.

– Олег... я...

– Да, я знаю. Но мне так хочется. Надевай джинсы, – он протягивает мне валяющиеся рядом с матрасом джинсы, и я надеваю их на голое тело.

Я не знаю, зачем он это делает. Чувствительный Денис мгновенно уловит запах секса и заведется еще сильнее... Но спорить нельзя.

На веранде накрыт стол к завтраку, но некоторым он явно не нужен – Север сидит, подперев голову кулаком, и с отвращением смотрит на стоящую перед ним тарелку с омлетом и блинами.

– Это кто ж так с утра расстарался? – интересуется Олег, усаживаясь за стол.

– Лерка, – бурчит Дэн. – Лучше бы за пивом сгоняла, вчера все выхлестали.

– Какое тебе пиво? – возмущается Историк, который выглядит свежим и совершенно не страдающим от похмелья. – Домой-то как поедешь?

– Да могу и не поехать, тут зависну. У меня завтра прием после обеда. Лерка, оставайся?

– Мне на работу.

– Олег, ну, будь человеком, разреши девочке остаться, – куражится Денис.

– Это не моя девочка. Захочет – может остаться, – спокойно отвечает Олег, принимая из моих рук тарелку с омлетом.

– Да уж, попроси я оставить Мари – ты не был бы так ослаблен, – бормочет Денис, думая, что его никто не слышит.

Но у Олега слух обостренный, он выразительно смотрит на Дэна и вдруг резко проводит ребром ладони себе по горлу. И тут же снова принимается за омлет, оставив Дэна с открытым от изумления ртом.

– Мари, тебе кофе налить? – спрашивает Лера, подходя ко мне сзади с джезвой.

– Да, спасибо.

– Я гвоздику в эту порцию бросила.

«Разумеется, Дэн тебе сказал, что я люблю кофе с гвоздикой и молоком, могу даже не спрашивать».

Она наливает кофе, перегнувшись через мое плечо и вдруг неслышно шепчет:

– От тебя дивно пахнет сексом... ммм...

Я отшатываюсь, и Лерка проливает кофе мне на колени:

– О, господи, Мари! Вставай скорее, ты же ошпаришься!

– Ничего, все нормально, – цежу я сквозь зубы, вставая и пытаюсь стряхнуть влагу с джинсов.

– Чего дергаешься вечно? – скалится Дэн. – Сваришься когда-нибудь.

– Без тебя не разберусь, думаешь? – огрызаюсь я, выбираясь из-за стола.

Олег тоже встает и идет со мной, хотя я и попросила не прерывать завтрака. В комнате он вдруг разворачивает меня к себе лицом и сильно сжимает за плечи:

– Что это было?

– Облилась кофе – не заметил?

– Ты не сама облилась. Что она тебе сказала?

– То, на что ты, видимо, и рассчитывал, когда запретил мне в душ идти перед завтраком. Все, могу теперь переодеться?

– Я ни на что не рассчитывал, это у меня фантазия такая дурная, вычитал в одной книжке, хотел проверить. Смотрю, удалось. Раздевайся.

– Наказать желаете?

– Не говори глупости.

– Поедем домой, а? – прошу я, переодевая джинсы. – Ну, правда – тошно, не могу больше... ты не видишь, что он меня провоцирует постоянно?

– Хорошо. Собирай вещи.

Никогда еще я не собиралась с такой скоростью, как будто боялась, что он передумает. К всеобщему удивлению, мы сегодня уехали первыми, и я видела в зеркале, как хочется Дэну запустить бутылкой минералки в багажник удаляющегося джипа.

Неделя выдается какой-то заполошной – я все время куда-то бегу, еду, иду, опаздываю, некогда даже на маникюр сходить. Когда на голову сваливается так много работы сразу, это крайне пагубно сказывается на моей нервной системе. Да еще и Олег внезапно уехал в Японию на подписание

контракта. Это оказалось совершенно для меня непереносимым, хотя он каждый день звонит мне по скайпу. Я испытываю по этому поводу угрызения совести – разница во времени заставляет его не спать ночью, чтобы застать меня дома. Но я понимаю и то, что ему нужно тоже когда-то расслабляться, менять обстановку, а Япония – это для него как раз то самое место, где он может все это сделать и получить максимум позитивных эмоций.

Кроме того, один из его партнеров – в Теме, то есть общие интересы и все такое. По этому поводу Олег сразу сказал мне, чтобы выбросила из головы любые мысли – мол, никаких практик ни с кем у него не будет. Мне не то чтобы нужны клятвы, но было приятно услышать это. Словом, я со спокойным сердцем каждый вечер жду связи в скайпе, чтобы услышать очередной рассказ о прошедшем дне и лечь спать совершенно умиротворенной.

...Утро, половина девятого, холодно так, словно вернулась зима, а я погорячилась и выскочила в туфлях и легком плаще. Возвращаться уже нет времени, придется мерзнуть, и это очень плохо – с моим сниженным иммунитетом любое переохлаждение становится угрожающим и почти неминуемо приводит к простуде. А мне в конце месяца улетать в Москву, билет куплен, врачи ждут. Я давно не сидела за рулем, потому приходится рассчитывать на общественный транспорт, хотя Олег и предлагал брать его машину. Но я отказалась – ездить в очках не могу, без них плохо вижу, да

и правая рука после прошлогоднего пареза иной раз еще напоминает о своем неполном выздоровлении, повисая плетью в самый неподходящий момент. Куда уж тут за руль...

В общем, стою в туфлях среди пробрасывающего снега, кутаюсь в тонкий шарф, от которого, кажется, больше холода, чем тепла, и вижу машину Дениса. И это очень кстати – он меня тоже видит, останавливается и открывает дверку:

– Садись, довезу.

Я с благодарностью забираюсь в теплый салон, закрываю дверку и произношу:

– Ты как нельзя кстати.

– Ну, хоть на что-то я гожусь, да? Куда тебе?

– В «Пять китайцев» – знаешь?

– Какого фига ты забыла в автосервисе? Набойки из вулканизированной резины хочешь?

– Очень смешно, просто ха-ха-ха. Как будто ты не знаешь, что они у меня арендуют часть территории под стоянку. Хочу, чтобы двух своих «покойников» вывезли, они подъезд к магазину сделали неудобным, арендатор ругается.

Денис кривит лицо:

– Делать тебе нечего. С арендатором не договорилась, что ли?

Он и это знает – арендатор магазина Олег, он уже больше года снимает у меня внезапно освободившуюся площадь, а Лерка работает управляющей как раз там. Я сперва не хотела сдавать ему этот магазин, считала, что это как-то стран-

но, но Олег сказал, что ему подходит место – рядом большой авторынок, и совершенно все равно, кому платить деньги за аренду. Чтобы облегчить мне принятие решения, он пообещал, что лезть в дела вообще не станет, передаст все полномочия Лере. Мы познакомили их с моим бухгалтером Артемом, и дело пошло – мы не обсуждаем деловые вопросы, а они разбираются между собой, и все довольны.

– Ой, перестань. Мне просто надоели две битые тачки у магазина, вот и все.

– Именно поэтому ты едешь на окраину в короткой юбке и на шпильках, когда вот-вот снег повалит? – ехидничает Денис.

– Представляешь, как раз поэтому. Хочу очаровать Ваню, владельца. Он как раз в моем вкусе – китаец, метр в прыжке.

– У вас все может получиться.

– Разумеется.

Закончив словесную пикировку, умолкаем оба. Пробка растянулась на пару километров, теперь бы хоть к обеду добраться.

– Ты сейчас из-за меня всюду опоздаешь, – говорю, вытаскивая из сумки сигареты и зажигалку.

– Мне никуда не нужно, я в супермаркет ехал, он не убежит.

– Ты не работаешь сегодня?

– Нет.

Он тоже закуривает, чуть приоткрывает окно, и в салон

сразу начинает задувать холодом с улицы.

– Когда улетаешь?

– В конце месяца.

– Я тоже в Москву лечу, – он называет дату, и я невольно морщусь – лечу в этот же день.

– По делам или так, проветриться?

– Хочу еще раз попытаться на визу подать.

Потеря «грин-кард» так и не дает Денису покоя, и я внутри себя мечтаю, чтобы он каким-то образом ее получил снова, потому что тогда у нас все пойдет по-прежнему. Он не будет постоянно присутствовать рядом, и мне будет легче морально. Но, судя по всему, этого не произойдет – он уже пару раз пытался и получил отказы. Не думаю, что в этот раз что-то изменится.

– Вы как после шашлыков домой добрались? – пытаюсь перевести разговор на другую тему.

– Нормально. Нажрались с Севером после того, как вы уехали, опять ночевать остались. Лерка уехала вечером с Максом, а мы – на следующий день. Ирка, кстати, на тебя сильно злится.

– Тоже мне, новость. Когда Ирка на меня не злилась? Такое впечатление, что у нее в отношениях так все фигово, что она ненавидит всех, кто попадает в поле ее зрения.

– Был бы у тебя Верх такой, как Север, ты бы вообще убивать начала.

– Кто мешает уйти?

– Ты отлично знаешь, что она в Д/с.

– И что? Это не приговор суда на пожизненное. Садись-ся и спокойно обговариваешь все с Верхним, он же адекватный, не будет насильно ее держать. Но она этого не делает – значит, ее все устраивает.

– Ты, наверное, права, – тянет Денис, вглядываясь в вереницу стоящих впереди машин. – Но Ирке, судя по всему, нравится по рукам ходить.

– Тогда нечего блядство Темой прикрывать – ах, меня мой Верхний всякому желающему поюзать дает! Ну, идиотизм же, согласишься?

– Соглашусь. Ира и по жизни шлюха, и в Теме.

– Ну, так и при чем тут Север тогда? Что ей мешало в первый же раз сказать, что делать этого она не будет? Что мешало на шашлыках меня на место поставить? Ничего ведь. Но ей это нравится. И шанс оказаться под твоей рукой Ира не упустила.

– Ну, хоть кто-то считает возможность быть выпоротой мной завидным шансом, – усмехается Денис.

– Не кокетничай, глупо. Ты отлично знаешь, что хороший Верхний, что у тебя прекрасная техника. Не понимаю, почему ты никак не найдешь себе кого-то, ведь вокруг десятки нижних, которые будут рады, если ты обратишь на них внимание.

– Дело в голове, Машка, понимаешь? – вздыхает он. – Ну, не могу я все время с закрытыми глазами работать, а когда

открываю и вижу не то, сразу пропадает настрой. Какой-то странный вид мазохизма – когда Верхний заставляет себя катать экшн. Похоже, я открыл новое направление.

– Может, нам лучше вообще не пересекаться?

– Да? А может, мне лобные доли мозга удалить? Чтоб картинок перед глазами не появлялось? Ты думаешь, я не понимаю, что это болезнь? Отлично понимаю, потому и хожу к Олегу, потому и дерет он меня в кровь, что я сплю потом на животе пару ночей – зато на какое-то время перестаю видеть эти чертовы картинки, – говорит он зло и отворачивается, чтобы я не видела его лица.

Не знаю, что я испытываю сейчас. Жалеть его вроде как нет повода – здоровый, красивый, сильный мужик, у него все есть, все в порядке. Чувствовать себя виноватой? Ну, тоже вроде как повода нет – разве галлюцинации виноваты в том, что появляются у шизофреника? Вообще сейчас бы неплохо выйти из машины и исчезнуть, но это невозможно – мы стоим во втором ряду на объездной трассе, пешком я не дойду, а такси здесь поймать просто нереально.

– Ты, Машка, не грузись, – вдруг говорит Денис. – Ты тут не виновата, я сам все сделал. Я это понял только недавно, хотя ты много лет мне это пыталась донести. Я сам тебя потерял, своими руками взял и отдал все, что у меня было, Олегу. Его я тоже не могу обвинять – будь я на его месте, тоже не отказался бы. И он не виноват в том, что оказался умнее меня и сумел сделать так, чтобы ты осталась с ним. Просто

очень обидно было осознать, что я разрушил все сам, у меня и крыша-то чуть не съехала как раз потому, что я все понимал. Наверное, если бы ты сама ушла, не так все было бы. И, раз уж мы так разговорились... давай я тебя подожду, и потом поедем, пообедаем где-нибудь и поговорим, наконец, спокойно и честно – пока я в состоянии так говорить?

Я пару минут молчу. Не знаю, почему, но мне чудится какой-то подвох в его словах, и прояснить ситуацию я могу только одним способом.

– Мне нужно позвонить Олегу и спросить у него разрешения. Надеюсь, ты понимаешь.

– Да звони, мне-то что? Верхний есть Верхний, – абсолютно спокойно говорит он, и я понимаю, что ошиблась – нет у него сейчас второго смысла в словах.

В Японии разгар дня, Олег может быть где угодно, но я все равно набираю номер.

– Мари, что-то случилось? – сразу спрашивает он, едва успев ответить на звонок.

– Нет, что ты, все в порядке. Я не хочу тебя отрывать надолго, у меня вопрос – я могу пообедать с Денисом?

– Что вдруг? – чуть удивленно спрашивает Олег.

– Назрела необходимость в разговоре.

– Тогда можешь. Но в людном месте, а не у него дома.

– Ну, это даже не обсуждается. Спасибо.

– Дай мне трубку, – просит Денис и забирает у меня телефон. – Олег, привет. Да, я ее на остановке подобрал, везу вот

в автосервис, дела у нее. Ты не волнуйся, мне просто надо поговорить. Нет, клянусь. Только поговорить. Да, я понял. Понял. Конечно, позвоню. Спасибо, – возвращает мне телефон и закуривает.

– Позвони мне потом, когда домой приедешь, – говорит Олег. – Я соскучился.

– Я поняла. Целую тебя.

– И я.

Убираю телефон в сумку. Денис немного ехидно интересуется:

– И как – не обламываешься всякий раз разрешения спрашивать?

Подсовываю к его носу руку с широким кожаным браслетом на запястье:

– Как думаешь – пока на мне это, я могу себе позволить обламываться?

– Мне удивительно, что ты на это пошла. Никогда не соглашалась – и вдруг...

– Наверное, пришло мое время, – шучу я. – На самом деле причина не в браслете. Мне просто так удобнее. Оказывается, есть вещи, которые я с удовольствием перекладываю на плечи своего Верхнего и не несу потом ответственности за принятые решения. Все просто – я корыстна до мозга костей.

– Ты-то? Не говори ерунды. Знаешь, что я думаю по этому поводу? – он кивает на браслет.

К счастью, мы, наконец, преодолели пробку и повернули

в переулок, в котором расположен автосервис.

– Ты иди, делай свои дела спокойно, я посижу, покурю, подумаю, – говорит Денис, паркуясь на площадке перед зданием. – И зонт возьми, – он вытаскивает из-за сиденья большой черный зонт.

На улице льет так, что никакой зонт не спасает – через пару минут мои туфли полны воды, и простыну я теперь с гарантией около ста пятидесяти процентов.

Ваня, хозяин «Пяти китайцев» Ван Ли Чжоу, живет в нашем городе уже лет пятнадцать, из них около семи мы с ним знакомы.

– Маша, цая будесь? – с порога предлагает он, критически оглядев мою обувь. – Мокра на улися, ты туфля насепиль. Насмарка будет.

– Будет, Ваня, насморк, это без вопросов. И чай буду, если нальешь, – усаживаясь на диван, говорю я, и Ваня направляется к электрическому самовару, который ни за что не соглашается поменять даже на чайник.

Выпив по чашке, мы договариваемся о том, что две битые машины он заберет от магазина завтра с утра, и я могу не проверять, потому что Ваня никогда не обманывает тех, с кем работает. Это ценное качество.

Выхожу из автосервиса – на улице слепящее солнце, как будто полчаса назад не лило, как из прохудившегося ведра... Люблю весну, черт ее возьми – как ни оденься, все равно не по погоде...

Сажусь в машину и чувствую, что в голове как-то противно шумит – верный признак, что поднимается температура.

– Давай в аптеку заедем, – прошу Дениса, который снял куртку и сидит за рулем в серой футболке, обтягивающей грудь и бицепсы так плотно, словно она ему не по размеру.

– Что, все, я тебя теряю?

«Ты меня давно потерял», – рвется с языка, который я все-таки успеваю удачно прикусить.

– Похоже, я простыла, надо заранее подготовиться. Дома-то, сам знаешь, ничего не держу во избежание соблазнов.

– Ну, поехали в аптеку, все равно в центр выезжать.

В аптеку он идет сам, приносит целый пакет каких-то порошков, капель и таблеток, кладет мне на колени:

– Вот, держи. Там еще бутылка воды, выпей сразу два парацетамола, тебя отпустит. Мы недолго посидим, я тебя потом отвезу домой, выпьешь горячего и поспишь.

– Спасибо.

– Не за что, – голос у него грустный какой-то.

Раньше, когда мне только-только поставили диагноз, Денис был среди тех, кто поверил в это мгновенно и старался поддержать. Ему, как врачу, все было понятно – и мое тогдашнее состояние, и отсутствие аппетита, и постоянно плохое настроение. И он пытался облегчить мне это все. Когда же все у нас пошло кувырком? Наверное, никто уже никогда этого не вспомнит и не поймет.

Ресторан Денис выбрал японский, меня это вполне устраивает. Но чувствую я себя все хуже, так что даже выбор еды приходится доверить ему.

– Маша, я обещаю, сейчас поедим – и я тебя отвезу. Прости, я думаю, что другого шанса у меня не будет, да и настроения, пожалуй, тоже.

– Говори, я тебя слушаю, – на самом деле мне хочется одного – в спальню, под одеяло, и штору опустить.

Дэн молчит как-то подозрительно долго, я наблюдаю за ним, хотя он у меня почему-то расплывается. Я даже не замечая, в какой момент сознание меня покидает, и открываю глаза только спустя какое-то время на заднем сиденье джипа.

– Куда... куда мы едем? – с трудом ворочая языком, спрашиваю я, и меня вдруг пронзает догадка – а ведь я в его машине! И черт его знает, куда он меня везет...

– Домой я тебя везу, ты в ресторане сознание потеряла, – поворачивается Денис с переднего сиденья. – Если ты меня подозреваешь в некрофилии, то зря.

Мне становится стыдно – действительно, почему я вдруг решила, что он собирается со мной что-то сделать? Чувствую-то я себя действительно плохо...

– Машка, послушай меня... у тебя жар, тебе нельзя одной оставаться... может, ты хоть к родителям, а?

– Нет... – бормочу я, представив, как мама начнет лечить меня народными средствами, и снова теряю сознание.

На сей раз прихожу в себя в квартире Дениса. Лежу на

большом сером диване, укрытая теплым пледом, а сам хозяин сидит на полу возле.

– Ну, и зачем?

– А что прикажешь делать? Как бы я тебя, бездыханную, к тебе домой-то телепортировал? Отлежишься и пойдешь, силой же не буду удерживать. На вот термометр, посмотрим, сколько там, – он протягивает мне прибор, я сую его в подмышку и закрываю глаза.

Пищит он буквально сразу, и цифра там ого-го.

– Так, Машка, все, хватит. Останешься у меня, – решительно говорит Денис, забирая градусник. – И не спорь со мной. В таком состоянии тебе одной дома делать нечего. Я сейчас принесу майку, переоденешься – и лежи. А я за продуктами смотаюсь, у меня холодильник пустой.

Я не успеваю ничего возразить, как уже держу в руках его майку, а входная дверь хлопает. Черт... самое ужасное, что я не могу уйти, потому что не могу встать – меня сразу шатает и заваливает обратно на диван, перед глазами круги, и очень тошнит. Вот это я прогулялась... Закрываю глаза, подумав, что сейчас вот полежу еще чуть-чуть, мне станет легче, и я пойду домой, и незаметно засыпаю.

–...Маша... Маша, проснись... – моего лба касается чья-то рука, и я с трудом открываю глаза.

Надо мной склоняется Денис, и я не сразу понимаю, что это не сон и не мой обычный ночной кошмар, а вполне себе реальность. Первая реакция – вскочить и бежать, но нет сил,

совершенно нет сил...

– Т-с-с, не надо так резко, – его руки укладывают меня обратно. – Маша, надо укол сделать, температура не падает, нельзя так долго держать. Если хочешь, я «скорую» вызову.

– Не надо... сам сделай...

Он приносит откуда-то две ампулы, показывает мне названия препаратов, хотя я с трудом их разбираю, набирает в шприц и спрашивает:

– Куда колоть будем?

– О, господи... – тяну я, стараясь повернуться на бок. – Ну, помоги, что смотришь?

Ситуация так себе, конечно, но выбора нет. Укол он делает мгновенно, совершенно безболезненно, прижимает ватный диск со спиртом, и я сразу плюхаюсь обратно на спину.

– Мне домой надо... Олег будет звонить.

– Я ему сейчас позвоню сам и все объясню.

О, могу себе представить...

– Дай мне телефон, – прошу я. – И, пожалуйста, выйди.

Его лицо кривится в ухмылке, но Денис все-таки выходит в соседнюю комнату. Я набираю номер Олега, и тот отвечает почти сразу:

– Да, Мари, слушаю.

– Олег...

– А что с голосом? – мгновенно реагирует он на мою легкую хрипотцу.

– Я простыла, у меня температура... но дело не в этом...

я у Дениса.

– Что ты делаешь у Дениса? – и ни единой эмоции в голосе, никакого намека на то, что он удивлен, рассержен, раздражен или еще что-то. – Я ведь просил – где угодно, но не у него дома.

– Дослушай, пожалуйста... я потеряла сознание в ресторане, потом – в машине, у меня температура сорок, и не падает. Я не могу даже встать, хотя готова ползком отсюда выбраться. Ты что – не веришь мне?

Олег молчит, и это молчание, пожалуй, самое худшее, что вообще могло сейчас случиться. Лучше бы он орал...

– Олег, пожалуйста...

– Мари, зачем ты пошла к нему?

– О, господи! Ты что – вообще ничего не слышал?

– Слышал. Но посмотри на ситуацию моими глазами. Ты бы поверила?

Аргумент убойный, потому что я бы не поверила. Со стороны вся ситуация выглядит неправдоподобной и абсурдной, как, собственно, почти все в моей жизни. Я не могу потерять его вот так глупо, из-за простуды, температуры и Дениса, оказавшегося рядом...

– Что ты молчишь, Мари?

– Я не знаю, что сказать.

– Тогда я скажу. Ты так уверена во мне, что делаешь все, что захочешь. Нет, Мари, так не будет.

– Олег...

– Я же сказал – не перебивай меня. Ты не будешь делать то, что хочешь – во всяком случае, если ты по-прежнему моя нижняя. Ты не будешь отмахиваться от моих просьб. И ты... ладно, это потом. В общем, у тебя появилась масса свободного времени, чтобы обдумать, кто мы друг другу, и решить, как мы будем жить дальше – вместе или отдельно. Спокойной ночи, Мари. Не перезванивай, я не отвечу, – и он кладет трубку так быстро, что я даже не успеваю ничего сказать.

Сука Денис, опять все испортил... зачем я вообще села к нему в машину? Надо было на такси ехать, не было бы проблем. Да, простыла бы так же, но хотя бы не пришлось выслушивать от Олега то, что он мне сейчас сказал. Это практически разрыв... Я вдруг представила, что его больше нет в моей жизни, и мне стало так тошно, что я взвыла, вцепившись зубами в запястье.

– Маш, ты чего? – возникает в дверном проеме Денис, и я изо всех сил запускаю в него телефоном:

– Это все ты!

Он успевает уклониться, и телефон, ударившись в стену, разлетается на запчасти.

– Сдурела? Что случилось?

– Не подходи ко мне! Просто не подходи ко мне, слышишь?

– О, понятно! – тянет он. – Верхний не оценил моего врачебного порыва? Ну, ничего, придет – накажет, и помирится.

– Да пошел ты! Почему, как только появляешься ты, в моей жизни все идет кувырком?!

– Наверное, потому, что ты подсознательно все еще со мной?

– Ты больной, Дэн! Больной, и не лечишься!

– Зачем? Мне и так хорошо.

Господи, ну, почему я такая?! Я, жесткая и в принципе малоэмоциональная, всякий раз ведуь на собственную жалость, стоит ему заговорить со мной нормально, без подколов, а с ноткой раскаяния в голосе. Это повторяется с завидной регулярностью – и всегда приводит к таким вот последствиям. Почему я его жалею?! Его не за что жалеть! Он меня в психушку загнал, потом чуть вообще не угробил, а я всякий раз надеюсь, что в нем что-то изменилось.

Нет, ничего не изменилось, он – все тот же эмоциональный садист, которому нравится причинять мне боль и наблюдать за тем, как я корчусь от нее, потому что он знает – боль физическая для меня всего лишь удовольствие, а вот эмоциональная – настоящее мучение. Все, я больше не могу...

Сделав над собой нечеловеческое усилие, я встаю с дивана и выхожу в прихожую, сую ноги в туфли, стягиваю с вешалки плащ, подбираю с пола сим-карту, оставив обломки телефона, кладу ее в карман и, накинув на плечо ремень сумки, выхожу из квартиры. Меня трясет, но я собираю в кулак все силы, какие только есть сейчас в моем организме, и выхожу на улицу. Снова идет дождь, я стою под козырьком подъезда

и понимаю, что либо надо сейчас же делать шаг и идти, либо упасть прямо тут и лежать. До моего дома – метров пятьсот, но я чувствую, что не смогу дойти, просто не смогу. И я решаю идти к Олегу, благо, ключи у меня есть.

Силы заканчиваются ровно в прихожей, хорошо, что я успела захлопнуть дверь. Съезжаю по стене на пол, тяжело дышу и закрываю глаза. Не знаю, имела ли я сейчас право приходить сюда, но выбора у меня не было – до дома не дошла бы точно, оставаться у Дениса совершенно невозможно.

Отсидевшись, встаю и иду в спальню, снимаю с крючка на двери домашнее кимоно Олега, сбрасываю свои вещи на пол, заворачиваюсь в него и ложусь в постель, натянув одеяло на голову.

Я провожу в квартире Олега три дня. Сил нет ни на то, чтобы выйти из квартиры, ни чтобы приготовить что-то, поэтому пью чай с японскими чипсами, курю и почти все время плачу. Даже не пойму, это от температуры или от общего душевного раздрая. Все эти дни я хожу в кимоно Олега, сплю на его подушке, и от этого мне становится чуть легче. Температура немного снизилась, но общее состояние все равно не очень.

И, самое главное, я не имею ни малейшего представления, как исправить то, что случилось. Мне нужно будет уйти отсюда до того, как вернется Олег, и даже сделать вид, что меня тут не было. Это не сложно. Сложно другое... сложно пред-

ставить, что делать дальше. Я даже позвонить ему не могу, даже если бы он не запретил мне делать это – телефон разбит, а второй аппарат дома, куда еще нужно пойти. Но у меня нет сил, и сил уже не физических – моральных.

Мне кажется, что, стоит мне выйти из этой квартиры, и все, больше уже никогда я сюда не вернусь. Ну, почему с Денисом всегда так? Вроде бы человек хотел сделать доброе дело, но вышло у него все, как обычно – то есть с ущербом для меня. Я всегда оказываюсь между ними, и всегда оказываюсь крайней. Мне иногда кажется, что они все время проверяют, в какую сторону я сделаю шаг, если они начнут тянуть меня каждый к себе. И в этой ситуации мне никак не понять поведение Олега. Казалось бы – ну, ему-то все это зачем? Я с ним...

Бутылка вина с символическим названием «Domina» заканчивается куда быстрее, чем угрызения совести. Вторую открыть, что ли? Нет, наверное, не стоит, я и так уже пьяная – три дня ничего не ела. Но удержаться, понятное дело, уже не могу, достаю вторую, это уже какое-то японское вино, но черт с ним, какая разница, чем задурманивать голову и обманывать ноющую от боли душу?

В итоге засыпаю в «норе», устроившись на обтянутой кожей кушетке для порки. Тоже символично, чего уж... Это, кстати, первая мысль, которая приходит в мою похмельную голову утром.

Преодолев кое-как тошноту и головокружение, берусь за

уборку, ликвидируя последствия вчерашнего запоя. Олег прилетает сегодня ночью.

Но к вечеру я вдруг понимаю, что не могу уйти отсюда – это равносильно признанию вины, которой нет. Я не изменила ему, ничего не сделала. Я невовремя заболела, и сейчас еще не совсем здорова. И я ложусь спать в его спальне, так и не сняв кимоно.

Утром открываю глаза и вижу Олега, лежащего у меня в ногах с книгой. Почувствовав мое движение, он сразу вскидывается:

– Лежи, не вскакивай.

– Я выпалась... – я вынырываю из-под покрывала. – Иди ко мне.

Олег перебирается ко мне, обнимает, обеими руками прижав к себе.

– Прости меня, – шепчу я, глотая слезы. – Я клянусь, что ничего не было...

– Я все знаю, Мари. Не надо плакать. Если ты думаешь, что я сомневался в тебе, то зря. Я привык доверять – ведь ты доверяешь мне куда более важное. Не плачь. И температуру бы измерить, ты горячая.

Но я не хочу его отпускать, мне нужно поплакать – я устаю быть железной бесчувственной Мари, которая всегда себя контролирует.

– Прости, что я тут... не смогла уйти...

– Ну что ты... я обрадовался, когда понял, что ты здесь. Открыл дверь, а в прихожей твоими духами пахнет. Смотрю – висит плащ, туфли стоят... это хорошо, что ты здесь.

Он целует меня, не обращая внимания на возражения, и мне становится немного легче – вроде как тучу пронесло, возможно, не последует продолжения. Хорошо бы...

– Ты действительно не сердишься? – и этот вопрос оказывается лишним...

Лицо Олега делается жестким, чужим. Он чуть прищуривает глаза и цедит:

– Мне что – расписаться кровью? И чьей – своей или, может, твоей, а? Зачем ты задаешь вопрос, на который уже получила ответ?

– Не сердись, пожалуйста... Просто... мне показалось, что ты как-то слишком уж спокойно отреагировал. Представь, что я должна была подумать после всего, что ты по телефону наговорил...

– Ты должна была не думать, а доверять! – отрезает Олег, садясь и протягивая руку к мундштуку кальяна, который, оказывается, стоит у кровати заряженный. – Доверять – есть такое слово, не знала? Почему ты постоянно меня провоцируешь? А потом еще и ищешь подвох в моих словах и поступках?

Я перебираюсь ближе к нему, просовываю голову под руку, в которой зажат мундштук, разворачиваюсь на спину и устраиваюсь так, чтобы смотреть Олегу в лицо.

– Я не ищу подвоха, господин. Прости, если я тебя обидела. Дай мне затянуться.

Он сует мне мундштук и смотрит куда-то в стену, и я понимаю, что действительно его сейчас очень сильно обидела своими словами. Сажусь напротив, поджав ноги, и смотрю ему в лицо.

– Убей меня, если не можешь простить. Ты, я думаю, прекрасно понимаешь, почему я так делаю. Я много лет провела с человеком, который врал мне на каждом шагу, который говорил одно, а делал часто другое. Который научил меня не верить никому и всегда оглядываться. И даже то, как он познакомил нас с тобой – помнишь? Я считала, что ты делаешь скидку на это, но нет – ты у нас самурай до мозга костей! Ты сказал – и все! И все должны слепо верить твоему слову! Я не могу так!

– Тогда что ты делаешь здесь, в этой квартире, в этой постели? – спокойно спрашивает он. – Если даже спустя столько лет ты не веришь мне и не можешь с этим ничего сделать?

Я вскакиваю и бегу в ванную – плакать. Но запертая дверь не может явиться препятствием для разъяренного здорового мужика, даже если внешне он совершенно спокоен, я понимаю это буквально через три минуты, когда Олег вырывает дверную ручку, что называется, «с мясом». Он хватает меня за руки, начинает как-то слишком уж сильно целовать, не давая даже опомниться, выдохнуть, вытереть слезы.

– Господи, какое же ты чудовище, Мари... – говорит он,

чуть задохнувшись от эмоций. – Просто невыносимое чудовище... Неужели нельзя просто сесть и сказать – Олег, давай поговорим?

– Почему ты такой непробиваемый, бесчувственный? Я бьюсь лбом в твою броню, у меня уже вмятины на черепе – но никак не могу пробиться. Я хочу хоть раз человеческих эмоций, понимаешь – человеческих! – ору я сквозь слезы, и тут он отвечает мне такую пощечину, что звенит в голове.

– Таких эмоций хотела? – тяжело дыша, спрашивает он, разворачивается и выходит из ванной, а я, оглушенная ударом, остаюсь сидеть на бортике, даже не пытаюсь подняться.

Он обещал не бить меня вне экшена – обещал, потому что однажды вывихнул вот такой пощечиной челюсть, зарекался... Но в этот момент я понимаю, что сама, сама выпросила это – ему нельзя говорить таких вещей, нельзя – потому что в принципе это все неправда. То, что он не выражает эмоций словами, ни о чем не говорит. Он выражает их действиями. Господи, да хоть бы причина была для ссоры – нет же, Дэн! Черт его раздери!

Я выхожу и натыкаюсь на Олега, сидящего прямо на полу в коридоре.

– Я устал ругаться с тобой, Мари. Я люблю тебя, как ты не понимаешь этого? Может, я в словах не очень – но разве... – я мешаю ему договорить, тоже сажусь на пол, целую, прижавшись к его губам, отдающим табаком. – Ну, вот как с тобой, а? – выговаривает он, мягко освободившись от моих

губ. – Как только пахнет жареным, ты тут же подставляешь мне то рот, то грудь – и я затыкаюсь, потому что противостоять не могу.

– Н-да? – я вожу пальцем по его груди и смотрю в глаза, чуть прижмурившись.

– Увы! – со смехом констатирует Верхний. – Ты прекрасно понимаешь свою власть и умеешь ей воспользоваться, когда тебе надо.

– Так не ведись.

– А как же! Все, я пошел готовить завтрак, иначе умру от голода. Тебе-то ничего не надо, как обычно!

Но в кухню он идет далеко не сразу – сперва как следует распинает меня прямо здесь, на полу в коридоре.

Экшн перед моим отъездом получился быстрым, но слишком сильным эмоционально. Я впервые в жизни так рыдала...

Началось с того, что Олег вдруг решил делать все жестко, чем несказанно меня удивил и обрадовал. Единственное, чего, может быть, мне не хватало, так это звуков его голоса – он все делает молча, заставляя подчиняться жестам и движениям. И было все это настолько грубо и одновременно сладко, что я не успевала следить за ходом экшена, не понимала, что и как он делает, откуда появился кляп, не дающий даже звука издать. Спина уже не рабочая, вся исполосована, на груди тоже ярко-красные длинные полосы от «кошки». Олег зади-

рает мою голову и внимательно смотрит в глаза – ищет в лице намек на остановку экшена. Не находит. Продолжает пороть, убрав зажимы. Две красные дорожки остаются на груди и животе. Раньше я всегда боялась крови – не потому, что я ее боюсь в принципе, нет – просто собственная кровь на теле всегда вызывала у меня какие-то негативные эмоции. Но с Олегом – в который уже раз – я перестала их испытывать, и вид крови не пугает, а возбуждает даже.

И боль такая во всем теле, что сердце заходится.

– Мари... ты еще здесь? – я вижу, как Олег делает последний замах плетью, расслабляю тело и двигаюсь вслед за полетом ее хвостов. – Возвращайся, Мари, возвращайся...

Он бросает плеть в угол, кладет обе ручки мне на грудь, сжимает так, что из просечек снова начинает сочиться кровь. Олег стирает ее, смотрит мне в глаза и подносит окровавленный палец к губам, облизывает медленно-медленно. Мне становится жутко на какую-то долю секунды, но потом я вдруг перестаю бояться, хочу, чтобы он еще мучил меня, хочу боли из его рук. Хочу плакать...

Олег это очень хорошо чувствует, ему не надо говорить или просить. Воск с толстой красной свечи капает на тело, застывая островками и причиняя боль. Он грубо целует меня в грудь, я чувствую, как она вздувается. Рука проникает внутрь, я выгибаюсь и постанываю – вернее, мычу, кляп мешает.

– Сейчас уберу, потерпи. Потерпи...

Какое тут «потерпи», когда все разрывается внутри от боли, и хочется орать во все горло, а не мычать, как недоенная корова... Убери этот чертов кляп, я тебя умоляю, дай мне поорать вволю.

Когда рука Олега вытаскивает кляп, из моего горла вырывается такой пронзительный крик, что он невольно отшатывается, а потом улыбается довольно, поглаживает меня по бедрам:

– Вот так... кричи, кричи, Мари, хорошо...

Крик сменяется слезами, слезы – истерикой. Олег даже не ожидал, кажется, что я так бурноотреагирую, и, чтобы скрыть свое удивление и легкую растерянность, уселся в кресло и потянулся к кальяну. Я же вволю порыдала, выплеснула все эмоции, накопившиеся во мне за эти дни.

– Все? – невозмутимо посасывая мундштук кальяна, спрашивает Олег. – Снимать?

– Да...

Он переносит меня на диван, укутывает, как обычно, пледом, приносит из кухни чашку зеленого чая. Выпиваю почти залпом, с трудом удерживая чашку в трясущихся руках. Олег наблюдает за этим, чуть покачивая головой:

– Нет, Мари, так все-таки нельзя. Ты слишком глубоко уходишь, потом тебе сложно и плохо.

– Олег... все хорошо. Мне хорошо... – я облизываю губы и возвращаю ему пустую чашку.

Плед сползает с груди, обнажая запекшиеся кровавые до-

рожки, и Олег морщится:

– Да? Погоди-ка...

Он уходит в кухню и возвращается с флаконом спирта и ватой, садится рядом со мной и начинает вытирать засохшую кровь. Не удерживается, понятно, касается соска языком, и я подаюсь к нему всем телом, обхватываю руками шею.

– Олег... Олег – еще...

– Нет уж! – смеется он, снова плотно укутывая меня пледом и усаживая к себе на колени. – Посиди вот так.

Я прижимаюсь к нему и затихаю. Ощущение от его тела после сессии просто потрясающее, даже словами не могу это передать – оно успокаивает меня, заглушает всю боль. Могу сидеть вот так часами и не шевелиться, чтобы не потерять возникшую между нами связь. Осторожно беру его руку и подношу к губам. Мне нравится целовать его руки, не знаю, почему, но вот нравится, хотя сам Олег относится к этому без восторга и всегда напоминает мне, что я не обязана делать этого. Да, не обязана – я вообще всегда делаю только то, что хочу сама. Денис со своей страстью к Д/с очень долго пытался приучить меня к подобному ритуалу. Я подчинялась, но неохотно, не сразу и не всегда. Никак не могу понять, почему мне теперь так хочется делать это с Олегом.

Он вызывает во мне желание подчиняться.

Все-таки уравновешенный и психически неподвижный Верхний – это счастье. Счастье, что Олег зачастую напоми-

нает мне железобетонный столб – потому что только такой человек и смог справиться со мной, с моими комплексами, страхами, внутренними противоречиями и слишком сложным устройством мозга. Взрывному и легковозбудимому Денису это никогда не удавалось, собственно, потому я и не с ним.

Олег же... Я не знаю, как он делает это, как умудряется, не произнося долгих речей, настоять на своем так, чтобы я при этом не почувствовала себя униженной или сломанной. Он умеет управлять мной без применения насилия в любой его форме – будь то физическое или моральное. Особенно – последнее. Меня довольно длительный опыт в Теме сводил с разными людьми, приходилось общаться с такими экземплярами, в существование которых даже поверить иной раз сложно.

Я видела нижних, психику которых наглухо повредили Верхние – это страшно. Была одна женщина, вышедшая в конце концов замуж за своего Верха, родившая ему ребенка, но на этот семейный «союз» смотреть без внутреннего содрогания было невозможно. Он – пошарпанный, совершенно непригодный к жизни мужичонка лет около пятидесяти, уверенный в своей неотразимости и «тематической» привлекательности – и она...

Я впервые видела человека, который не говорит, а кричит. Все время, постоянно, даже рассказывая о том, как спит ее ребенок – кричит, натужно выпучив глаза, кричит, не заме-

чая этого, и вздрагивает, едва муж входит в комнату. Он говорит тихим голосом, а она только кричит. У нее постоянно дергается глаз, кривится в сторону рот, пальцы совершают суетливые движения в воздухе – как будто она режет что-то невидимыми ножницами. Самое страшное, что это он ее такой сделал в попытках воспитать идеальную сабу. Ну, говорят, как саба она идеальна, только вот теперь к жизни совершенно не годна – и муж это подтверждает в первых рядах. Я не видела более страшного зрелища, если честно. Даже не помню уже, каким ветром нас с Денисом тогда занесло в гости в этот дом, но, выйдя, я твердо сказала:

– Если бы я была нижней Мука, я бы его зарезала.

– Он бы тебя и не взял, – фыркнул тогда Денис, еще не оставивший попыток воспитать и из меня что-то годное в дээсном плане.

– Поверь – это ему же только на пользу.

Если честно, я даже знать не хочу, в чем там было дело, но те, кто знал эту пару до всего, в самом начале их отношений, говорят, что нижняя была абсолютно нормальной. Напрашивается вывод...

Денис тогда мне сказал, что если она живет с ним, то ее все устраивает, а значит, все практики, что он применяет, не являются для нее травмирующими. Я же подумала – а что там уже травмировать? Все, что можно, он сломал и исковеркал. Нет, это не моя Тема, как ни крути.

Я пыталась как-то обсудить это с Олегом, он, конечно, от-

казался, сославшись на то, что не знаком ни с ним, ни с ней, но потом обронул, что в любом случае нельзя заставлять человека перешагивать через то, что ему перешагнуть не под силу. У каждого есть этот порог, предел, за который никак нельзя выталкивать насильно, иначе будет как раз подобное – невроз, расшатанная психика, что угодно. Адекватность Верхнего как раз и определяется умением увидеть этот предел.

-...Олег, мне надо, понимаешь?

Я слышу умоляющие нотки в голосе Дэна – телефон Олега стоит на режиме громкой связи, сам он, взгромоздившись на стремянку, вкручивает в потолок «норы» большой крюк для подвеса.

– Не сегодня, – цедит он. – Я занят.

– У тебя Мари, я знаю... она нам не мешает.

– Зато ты мешаешь ей, – усмехается Олег, проверяя крюк на прочность – берется за него рукой и отбрасывает в сторону стремянку, повисая над полом. – Все, годится, не вырвешь, – это он мне.

– Что не вырву? – переспрашивает Денис.

– Да не ты. Я тебе все сказал – сегодня у меня Мари, – он спрыгивает на пол, нажимает кнопку отбоя, а я недовольно говорю:

– И с каких пор я должна вставать в очередь?

– Мари, не надо. Ты отлично знаешь, что не права.

Олег манит меня пальцем, я подхожу и оказываюсь в его объятиях:

– Поцелуй меня. Видишь, какой крюк ввинтил? Будешь висеть, как любишь.

В «норе» прохладно. Диван разобран – ну, он, кажется, не собирается в принципе. Так тихо здесь... прямо какой-то ужас даже появляется.

– Раздевайся. Хочу чулки, перчатки и... ну, не знаю – сама выбери.

– Можно тогда сапоги – но без чулок?

– Можно.

Олег начинает переодеваться сам, отойдя в дальний угол. Мне всегда странно – он как будто стесняется раздеваться, когда я его вижу. Не понимаю – у него красивое тело, значительно лучше лица. Он не такой раскоченный, как Дэн, но мышцы, особенно верх – просто обалденные. Но вот какой-то пунктик у него на эту тему.

Наклоняюсь, чтобы застегнуть сапог, и вижу краем глаза, как Олег натягивает кожаные перчатки. О-о-о... Кожаные перчатки он использует редко, но ощущений они мне дают море, особенно когда ими по разогретой, а еще лучше – уже отработанной коже...

– Ну что? Готова? Иди ко мне.

Подхожу и вдруг неожиданно для себя опускаюсь на колени и обхватываю его ноги, прижимаюсь к коленям лицом. Понимаю, что жутко хочу сейчас минет, надо только спро-

силь... Поднимаю глаза:

– Можно, господин?

– А надо ли – с начала-то? – хмыкает он, глядя сверху.

– Пожалуйста...

– Можно.

– Только... ты сам – а? Хочу жестко... – договорить не успеваю – он вцепляется мне в волосы пальцами и тянет к чуть спущенным белым брюкам:

– Ну?! Так, руки назад! Назад руки, я сказал!

Поняв, что сама я руки не уберу, он выпускает меня, берет наручники и защелкивает их на запястьях, завернув мои руки за спину. Отлично...

– Рот открой. Вот так...

О, черт возьми... как давно мы не делали этого вот так... одно плохо – текут слезы, смывая тушь, представляю, как я выгляжу сейчас! Да и по фигу...

Как обычно, Олег доходит почти до конца и отпихивает меня:

– К станку, быстро!

Я сначала падаю на пол, перевожу дыхание, и только потом поднимаюсь и иду к кресту.

– Нет, стой. Подойди ко мне.

Возвращаюсь. Олег берет мое лицо в ладони, долго смотрит в глаза, а потом наклоняется и целует. Целует так, что больно губам. Я почему-то сразу обвисяю, стекаю на пол к его ногам.

– Мари, что за фокусы?

– Нет-нет... я сейчас...

Ни фиги себе, меня накрыло...

Олег ставит меня на ноги, чуть встряхивает за плечи:

– Отпустило? Ты чего такая податливая сегодня? Ничего не сделал еще – а ты уже плывешь. Работать-то будем? Или спать пойдем?

– Принеси попить, пожалуйста...

Он приносит стакан сока, я осушаю его в два глотка:

– Уф... что-то правда...

Олег берет меня за запястье, считает пульс:

– Все? Лучше?

– Да, я в порядке... пойдем.

Зафиксировав меня на кресте, Олег берет два флоггера. Крутит их в руках, я чувствую легкий сквознячок, гуляющий по спине. Раз, раз – обжигает... еще... хорошо-то как, господи... удары сильнее, чаще, боль тоже усиливается. Я чувствую, как становятся влажными стринги...о-о-о... вот оно...

– Цвет?

– Зеленый... господин... положите руку...

– Куда?

– Между ног.

Олег хмыкает, но выполняет просьбу, и я слышу, как он выдыхает с каким-то облегчением, а потом прижимается ко мне и шепчет на ухо:

– Хорошо... хорошо... расслабься чуть-чуть.

– Олег... – меня вдруг передергивает при воспоминании о том, как жестко делает фистинг мой Верхний.

– Т-с-с! Я буду осторожен... скажи – и я перестану. Расслабься... тебе же хорошо будет... – уговаривает, а сам осторожно сдвигает стринги в сторону, тихонько проникает внутрь... ааааа... выгибаюсь, дергаюсь в наручниках, и Олег сразу убирает руку: – Цвет?

– Зеленый... – плачу. Плачу не от дискомфорта, не от боли – от удивительного ощущения принадлежности ему.

– Тогда почему слезы?

– Не обращайте внимания, господин...

– Продолжаем?

– Да...

Он порет меня до тех пор, пока я не начинаю снова плакать, заливая слезами крест. Поглаживает горящую от ударов спину руками, затянутыми в перчатки, и я всхлипываю от счастья, заполнившего меня так, что вот-вот выплеснется. Ну, собственно, и выплескивается – слезами...

– Еще, господин... пожалуйста...

Он просовывает руки между моей грудью и крестом, зажимает пальцами соски. Очень больно, так больно, что его пальцы воспринимаются пучком игл, воткнутых в нежную кожу.

– Ты хочешь кричать, Мари? Хочешь?

– Нет...

– Нет? Врешь ведь. А так? – боль усиливается раз в сто.

Я понимаю – это он меня так проверяет, периодически делает это, словно хочет убедиться, что я не забыла о нашем уговоре – не обманывать друг друга. Я не обманываю. Сейчас я на самом деле не хочу пока кричать или останавливать, хочу потерпеть еще. Почувствовать его власть надо мной, над моим телом, над моей волей – потому что я знаю, что он заставит меня закричать.

– Мари, ну? – и, так как ответа нет, он вдруг резко поворачивает руку, и я ору против собственного желания. – Вот видишь? Не бывает маз без порога, да?

– Да-а... – выдыхаю я сквозь слезы. – Есть просто садисты, не умеющие этот порог найти... Господин, поцелуйте меня...

– Да, обязательно – но позже.

Дальше все как всегда – два арапника и кнут, потом легкий транс, а за ним опять слезы, плавно переходящие в рыдания. Сегодня я, кажется, окончательно отпустила себя на свободу, так, как было у меня только с Лялькой. Оказывается, с Олегом это ощущение еще сильнее.

Он, как обычно, сидит в кресле с кальяном, посасывает мундштук и наблюдает. Отстегивает наручники и хочет унести меня на диван, но я отказываюсь:

– Положи меня на пол.

– Нет, это перебор. Идем на диван, я с тобой лягу.

Лежим, тесно прижавшись друг к другу, Олег целует ме-

ня куда-то за ухо, шепчет какие-то слова, смысла которых я не понимаю. В такие моменты он переходит на японский, и меня это убаюкивает иной раз. Сегодня – нет. Вообще все по-другому сегодня...

И, разумеется, является Денис – ну, как можно не испортить такой вечер? Олег злится, но открывает – он отлично знает, что, когда Дэн так настойчиво просит об экшне, ему очень плохо. А его «плохо» иной раз выливается во что-то негативное.

– Мари, милая, можешь ненавидеть меня... но я должен ему помочь, – шепчет он мне на ухо перед тем, как пойти в прихожую. – Я быстро отработаю его и отправлю, и у нас еще вся ночь впереди. Не сердись.

У меня нет сил сердиться – горит спина, шумит в голове, все тело ватное. Я запорота до состояния рваной тряпки, и мне сейчас все равно, что будет происходить дальше. Я лежу на диване в ботфортах и при этом совершенно голая, с исполосованной спиной – и каждая клетка моего тела счастлива.

Разозленный визитом Дениса Олег забывает даже покрывало на меня набросить, а потому буквально вваливающийся в «нору» Дэн вознагражден видом моего бездыханного тела. Самое смешное, что я никак не реагирую на его появление, даже прикрыться не пытаюсь – не хочется шевелиться, чтобы не разогнать сладкую истому, охватившую меня.

– Ого! – тянет Денис, замирая на пороге. – Встречают у вас знатно.

– К стене! – орет Олег из коридора, и Денис моментально поворачивается лицом к противоположной стене.

– Мари, тебя в спальню? – войдя в «нору», спрашивает Олег, но я бормочу:

– Не трогай меня... – и он стягивает с меня ботфорты, набрасывает сверху плед, и колючая шерсть добавляет ощущений иссеченной коже – я извиваюсь почти в оргазме. – О, господи...

И Олег решается:

– Дэн, быстро на крест, прямо в одежде.

Тот подчиняется, и Олег фиксирует его к кресту за руки и за ноги, а сам задергивает укрепленный вокруг дивана полог, наваливается на меня и грубо берет, оставив на спине плед, который под натиском его огромного тела впивается в иссеченную кожу еще сильнее. Я не могу даже кричать, издаю какие-то сиплые стоны, но мне так хорошо...

– Да, Мари... – стонет Олег, вытягиваясь в струну.

Он лежит на мне еще какое-то время, потом откатывается и шепчет мне на ухо:

– Сейчас быстро выдеру его и... – что «и», я хорошо знаю – во время экшена Олег все-таки испытывает возбуждение, хоть и контролирует это жестко, но, если рядом есть я, все становится проще – можно получить разрядку.

– Иди уже... – бормочу я. – Посплю...

Поспать мне не удастся. Олег включает музыку – ну, это я давно знаю, Денис орет, как ненормальный. Хлещет он его

так, что, кажется, я слышу, как рвется кожа, хотя знаю, что это не так. Заворачиваюсь в плед, выхожу из-за полога и замираю, глядя, как загипнотизированная, на покрывшуюся красными полосами спину Дэна. Олег, чувствую, вошел в раж, и от этого мне вдруг страшно хочется почувствовать, с какой силой он работает, когда такой. Сбросив на пол плед, я подхожу к кресту и в паузе между ударов становлюсь перед Денисом.

– Ближе! – орет Олег. – Ближе встань, раз уж влезла! – удар кнутом обжигает меня поперек спины, отбрасывает к Денису, я обхватываю его за талию и прижимаюсь грудью к телу.

Денис стонет то ли от боли, то ли от моего прикосновения, а мне на спину один за другим ложатся удары – без счета, с равным ритмом и такие болючие, что перехватывает дыхание.

– Никогда-не лезь-мне-под-руку! – зло выговаривает Олег, опуская кнут мне на спину. – Никогда-без-разрешения!

Я впиваюсь ногтями в кожу на животе Дениса, он взывает от боли, но я себя не контролирую. С каждым ударом я вжимаюсь в него все плотнее, чувствую, как напрягаются его ягодицы. Господи, Олег разозлился не на шутку – так больно мне никогда не было.

– Ну, говори! – требует он. – Цвет говори – заporю на фиг! Говори, сука, убью ведь!

– Машка... – стонет Денис. – Скажи ему... останови... не могу больше...

– Ты-то здесь при чем? – выдыхаю я с трудом, упираясь лбом в его спину.

– Не соревнуйся... проиграешь... – и это ошибка.

Я начинаю упираться, и Олег врзает мне в болевую точку. Сознание пропадает со скоростью звука.

Прихожу в себя на полу, спины совершенно не чувствую. Дениса нет, но я слышу его голос из ванной. Олега нет тоже. Я с трудом поднимаюсь, беру кимоно Олега, заворачиваюсь в него и, шатаясь, бреду на поиски. Он сидит в кухне, окно открыто настежь, Олег курит, а в руке я замечаю стакан с коричневой жидкостью. Черт возьми, он опять пьет...

– Не подходи ко мне, – говорит он, даже не оборачиваясь.

– Олег...

– Я сказал – не подходи. Зачем ты сделала это? Хотела проверить, на что я способен? Да я мог убить тебя, как ты не понимаешь? Ну, ладно – пусть не убить, но покалечить-то запросто? Ты не знаешь, как я кнутом работаю? Чего ты хотела добиться? Показать, кто сверху в нашей паре? Ну, так это не ты, не забывайся, – он делает два больших глотка, затягивается сигаретным дымом. – Экстремистка, чокнутая беспредельщица! Ты чего добиваешься, скажи?

Если бы я знала ответ на этот вопрос...

– Олег...

– Ну, что?! – разворачиваясь, почти кричит он. – Что –

«Олег... Олег»?! – и я вижу длинную кровавую полосу поперек его гладкой груди. Кровь запекшаяся. Перевожу взгляд на стол – там лежит нож. Боже мой, что он делает..?

– Зачем? – выдыхаю я, приближаясь к нему и дотрагиваясь до пореза.

– Надо было адреналин сбросить, иначе взорвался бы.

– Больно?

– Тебе ли не знать, что боль физическая никак не сравнится с той, что раздирает изнутри?

Я опускаюсь на колени у его ног и плачу. Я не могу видеть его мучений, не могу видеть, как ему больно. Его рука ложится мне на затылок, взлохмачивает волосы:

– Не казись. Заживет.

– Зачем? – все повторяю я сквозь слезы, прижимаясь щекой к его колену.

Олег садится прямо на пол, силой разжимает мне рот и вливает туда остатки коньяка из стакана. Глотаю и кашляю, обжегшись. Он подносит сигарету, делаю две затяжки – голова начинает кружиться, но плакать уже не хочется. Олег берет со стола бутылку:

– Открой рот.

– Я опьянею...

– Рот открой, сказал.

Подчиняюсь. Полный рот коньяка, с трудом проглатываю, но курить больше не хочу.

– Пей, Мари, иначе не уснешь. Домой не отпущу сегодня.

Я не хотела домой – сегодня мне лучше побыть рядом с ним, в таком состоянии я его еще не видела.

– Что он там так долго? – сердито глянув в сторону ванной, бормочет Олег, отставляя бутылку. – Все испортил, скотина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.